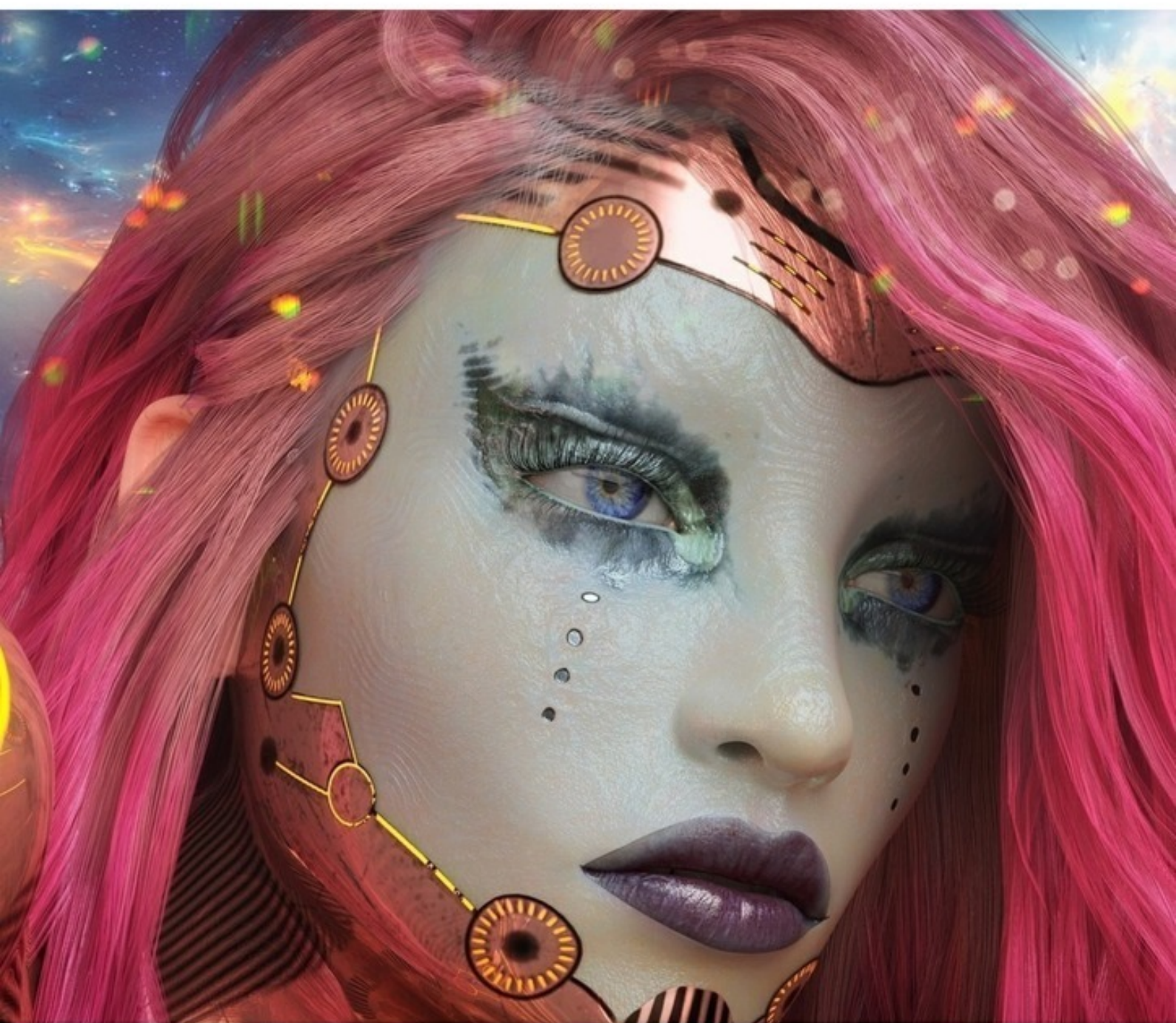

Maxime

Превращение

сборник эротических рассказов

Maxime

**Превращение. Сборник
эротических рассказов**

«Издательские решения»

Maxime

Превращение. Сборник эротических рассказов / Maxime —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930387-5

Рассказы по большей части транс-тематики. Ключевые слова: трансгендер, транссексуал, транс. Фантастика и реальность, эти рассказы для любителей жанра. Вас предупредили.

ISBN 978-5-44-930387-5

© Maxime
© Издательские решения

Содержание

Превращение	6
1	6
2	8
3	11
4	15
5	17
6	19
7	21
8	24
9	25
10	27
Прощай, грусть!	34
1	34
2	36
3	38
4	41
5	42
6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Превращение

Сборник эротических рассказов

Maxime

© Maxime, 2018

ISBN 978-5-4493-0387-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Превращение

1

Проснувшись первого января после беспокойной ночи, Григорий Земелин обнаружил, что он у себя в постели превратился в девушку. Лежа на спине, он щупал, стоило ему запустить руку в трусы, мягкие губы влагиалища. На верхушке курчавого выпуклого лобка не было и намёка на мужской член. Заглядывая под одеяло, он видел, как пухлые груди, увенчанные вялыми бледно-коричневыми сосками, сходятся вместе, образуя дрожащие сферы. Длинные волосы в этот момент щекотали ему уши и плечи.

«Что со мной случилось?» – думал он. Это не было сном. Его комната, настоящая, разве что слишком тёмная из-за балкона и серости на улице, но обычная комната, мирно покоилась в своих четырех хорошо знакомых стенах. Над столом, где стоял компьютер, висели книжные полки, которые он недавно прикрутил шурупами к стене. На верхнюю полку он успел поставить несколько книг по алгоритмам – Земелин был программистом, – на нижней лежал беспроводной роутер. Провода для подключения к сети находились рядом, в красивой картонной коробке, обещавшей высокую скорость.

Затем взгляд Григория устремился в окно, и пасмурная погода – слышно было, как по жести подоконника стучат капли подтаявшего снега – привела его и вовсе в грустное настроение. «Хорошо бы еще немного поспать и забыть всю эту чепуху», – подумал он, но это было совершенно неосуществимо, он привык утром первым делом идти в туалет.

Решительно откинув одеяло, он подскочил, потянулся по привычке руками к потолку, но, не достав до него, замер в растерянности и посмотрел вверх. Пальцам не хватало целой ладони, кроме того, непривычно длинные волосы скользили по спине, а сочные груди подпрыгнули за руками.

«Почему я в чужом теле?» – Земелин вздрогнул, опустил руки и зажмурился. Раскачивая сиськами, он наощупь двинулся к туалету, всеми силами желая проснуться. Присев на унитаз, он расслабился, открыл глаза. Мощная струя ударила вниз из щели между ног.

«Уж не сошёл ли я с ума?» – Земелин силился вспомнить, что могло случиться вчера, что вызвало помутнение рассудка. Он был в гостях у родителей, брат привёл миниатюрную девушку-плюшку, та смешно похрюкивала, когда смеялась. Они ели оливье, смотрели телевизор, слушали бой курантов, чокались бокалами. Затем вместе пошли гулять по парку. Вокруг пускали ракеты, взрывали петарды. Они расстались возле мостика, и он отправился к себе в квартиру, навеселе, но не настолько, чтобы не отдавать себе отчёта в происходящем. Наоборот, он отлично помнил, как, придя домой в три часа, он ещё включил компьютер и зачем-то начал просматривать порно ролики. Две очаровательные снегурочки в красном шёлковом белье – блондинка и шатенка – обслужили Санта Клауса, долго поцелуями гоняли сперму, прежде чем проглотить её. Затем, пожелав всем по-английски счастливого Нового года, они помахали ручками и замерли под рекламой. Земелин отмотал на тот момент, где Санта густо выстрелил, прицелившись в рот блондинке, – Григорий всегда так делал, чтобы прочувствовать момент оргазма вместе с актёрами, – и кончил, но не в рот блондинке, а в свой носок, который теперь валялся где-то возле кровати. Сразу после этого Земелин лёг спать и не просыпался до самого утра.

Всё это никак не вязалось с нынешней ситуацией. Нахождение в женском теле вызывало тревожные опасения за собственную вменяемость.

«Может, я всегда был девушкой, а остальное мне приснилось?» – эта мысль поразила его реальностью предположения.

Закончив туалет, Земелин подтянул трусы на необычно мягкие округлые бёдра и перешёл в ванную. Только теперь, взглянув на себя в зеркало, он осознал всю глубину перемены, произошедшей с ним.

Симпатичная девушка с оголённой грудью в точности повторяла его движения и мимику. Он высунул язык, поморщился, улыбнулся – она сделала то же самое. Он положил руки на грудь – девушка напротив нащупала соски пальцами. Он скинул трусы и, словно не веря глазам, приподнялся на край ванны, чтобы увидеть доказательства в зеркале. Девушка в отражении прогнула спинку, выпятила курчавый лобок на свет и, присев, одной рукой раздвинула губы влагалища.

Сомнений не оставалось – она это он. Он даже слегка засунул палец во влагалище, чтобы убедиться в новых ощущениях.

«Могло быть и хуже», – Земелин тяжело опустился на резиновый коврик, вновь тревожно вглядываясь в лицо девушки в зеркале. Заспанное и напуганное, оно производило приятное впечатление. Девушка была чем-то похожа на него: те же густые каштановые волосы, карие глаза, как у него, пухлые губы, прямой нос. Она могла бы сойти за его сестру, хотя вряд ли сестра получилась бы столь привлекательной. Упругая ровная грудь, увенчанная пупырышками-сосками на бурых ореолах, едва помещалась в руках, двумя сферами колыхалась перед зеркалом.

«Надо срочно что-то с этим делать», – решил он.

2

К обеду ничего не изменилось. Земелин позавтракал, проверил на компьютере фотографии, заглянул в паспорт, лежавший в секции. Если бы он раньше и был девушкой, то давно бы нашёл тому доказательства. Но вся одежда, обувь и даже трусы, в которых он проснулся, были мужскими и на пару размеров больше.

Устав от тревожных мыслей, Земелин забылся возле компьютера, читая новости. Он сидел в подвернутых джинсах, майке и любимом пуловере – тот болтался на нём, складками сложившись под руками. Незаметно Земелин переключился на порно сайт, и отсутствие члена сразу напомнило о себе. Трогать женское тело, не принадлежавшее ему, не хотелось.

«Что, если она сейчас смотрит на меня моими же глазами, всё видит, чувствует и даже знает, о чём я думаю?» – он смутился, быстро закрыл сайт и выключил компьютер. В установившейся тишине слышно было, как на улице взрывают петарды. Этажом ниже громко играла музыка, двери лифта открылись, выпустив весёлую компанию.

«Может, она тоже сидит сейчас где-нибудь в моём теле, – Земелин улыбнулся, представив, как девушка чешет двухдневную щетину и с ужасом смотрит на вздыбленный член, требующий внимания. – Ещё неизвестно, кому из нас больше повезло».

Он хохотнул, рукой проверил грудь и, вспомнив про новый голос, принялся в который раз за утро декламировать школьный стишок:

– Однажды, в студёную зимнюю пору я из лесу вышел; был сильный мороз, – высокие тона, модуляция, сформированная женскими связками в горле, звучали непринуждённо, как будто птичка поёт. В такие моменты Земелину казалось, что он сходит с ума: ещё вчера он был парнем, а сегодня каждый звук пробуждал в нём странную эмоциональность. – Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз, – голос сливался с ним, усваивался в сознании новой мелодикой.

Он долго думал, как сказать брату о том, что случилось. Наконец, понимая, что нужно поговорить с Витей с глазу на глаз, он решил заманить его к себе. Земелин набрал номер брата.

– Ёу, здароу! – Витя шёл по улице явно в приподнятом настроении.

– Здравствуйте, вы брат Гриши? – Земелин затаил дыхание. Оставалась ещё надежда, что он всё же сошёл с ума и брат узнает его голос.

– Да, а кто это говорит? – Витя даже ухом не повёл.

– Я его знакомая, – расстроенный, Земелин нахмурился. – Он сейчас себя плохо чувствует, вы не могли бы прийти к нему на квартиру?

– Да, конечно, – Витя принял деловой тон. – Сейчас буду, – и повесил трубку.

Сейчас – значит через десять минут. Земелин взглянул на часы, достал приготовленный паспорт, кошелёк, все свои сбережения. Открыл на компьютере архив с личными фотографиями, вспомнил пару случаев из детства. Земелин был старше брата на пять лет, но хорошо помнил, как тому в детстве на голову упал конёк из антресолей. В другой раз братик выбил передние зубы, катаясь на горке. Гитара, дача, общага, предвыборные наклейки – им было, что вспомнить.

Витя примчался даже быстрее, чем рассчитывал Земелин. Раздался звонок, и он, вернее она, пошла открывать дверь.

– Здравствуйте, – встретил он брата робким голосом.

– Здравствуйте, – Витя окинул девушку в одежде брата любопытным взглядом, ступил в прихожую и опустился на корточки, чтобы развязать шнурки на зимних ботинках.

– Мне нужно вам кое-что рассказать, – у Гриши голова шла кругом, как будто он собирался наврать с три короба.

– Что-то случилось? – Витя обеспокоенно поднял глаза. – А где он, кстати?

– В том-то всё и дело, – Земелин последовал за братом, который метнулся в пустую комнату. – Присядьте, пожалуйста.

– Он в больнице? – Витя и не собиравшись садиться, вышел на середину комнаты, обернулся и замер под люстрой.

– Нет, – Гриша бухнулся на диван. – Может быть, вы всё-таки присядете, – от волнения Земелин набрал полную грудь воздуха и не мог выдохнуть.

– Ну хорошо, – Витя улыбнулся и сел. – Рассказывайте, что у вас случилось.

– Понимаешь, – Гриша запнулся, неожиданно перейдя на «ты». – Я проснулся сегодня утром в чужом теле. В женском, то есть. Вот в этом самом, в котором я сейчас сижу, – Гриша наблюдал, как высоко взлетели брови брата. – Я и сам в шоке. Ты не представляешь, что я пережил. Что-то случилось, непонятное. Теперь сижу тут с самого утра, не знаю, чё думать. Кажется, с ума схожу. Как считаешь, я сумасшедший?

В наступившей тишине, Витя внимательно смотрел на брата, медленно расплываясь в улыбке. Наконец он тихо заржал, затрясся, сначала несильно, но постепенно раскачегарился и, закрыв лицо руками, повалился грудью на колени, сложился пополам.

– Это просто пиздец, – зажав рот ладонью, сквозь смех стонал он. – Я такого ещё никогда не видел, – его голос поднялся на пол-октавы, зазвучал как труба. Посматривая на Гришу покрасневшим лицом, он ревел: – Ну вы, молодцы. Круто придумали! Вот уж не ожидал от Гриши.

– Я бы тоже не поверил, – Гриша улыбался, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться вместе с братом. – Поэтому предлагаю тебе проверить меня. Спроси что-нибудь, что знаешь только ты и я.

– Во как! – Витя выпучил глаза. – Это даже круче, чем я думал, – его глаза заблестели озорством: – Ну хорошо, а скажи-ка мне, красавица, какой у меня был любимый фильм в детстве, а? – Витя подмигнул с хитрецей, улыбка взлетела до ушей.

– Терминатор два. Ты собирал наклейки от жвачек, а потом поменял всю коллекцию на старую гитару.

Брови брата опять взлетели от удивления.

– Не, ну это вообще восьмидесятый уровень! – возбуждённо проревел он, изучая лицо Гриши. – Вы что, хотите, чтобы я реально что ли в это поверил? – он закинул ногу за ногу. – Ну поверил я, и чё? Не, ну мне просто интересно, зачем мне верить в это? Сегодня же не первое апреля.

– А ты представь, что это не розыгрыш. Представь хотя бы на секунду, что я застрял в этом теле. Что бы ты сделал на моём месте?

– М-да-а-а... – Витя хохотнул. – Ну это на самом деле не самый большой прикол в мире. Вот если бы здесь бабушка мне мозг парила, что она мой брат, тогда бы я точно поверил, – он опять заржал.

– Я не знаю, как ещё убедить тебя в том, что я – это я. У меня нет доказательств. Нет женских документов, имени, одежды. Всё мужское. Я не знаю, как я теперь буду жить.

– Да не парься, – Витя решил подыграть. – Одежду купишь, документы сделаешь. Скажешь, что ничего не помнишь, и тебе новые выдадут. Вон сколько людей с амнезией ходят. И ничего, живут себе как-то.

– А я не хочу жить «как-то», я хочу жить как раньше.

– Так и живи «как раньше». Ходи себе на работу, встречайся с друзьями. Я думаю, теперь у тебя даже больше друзей появится, – он подмигнул и заржал.

Гриша засмеялся вместе с братом, и всё же ему хотелось поговорить серьёзно.

– Может и не надо никаких документов, – пробормотал он. – Может, завтра я опять проснусь в своём теле.

– Да уж, лучше проснуться в своём теле, чем в чужом. Ты уж мне поверь, я знаю, о чём говорю, – брат опять подмигнул. – А ещё лучше проснуться в своём теле, и чтобы рядом было чужой тело, и желательно красивое, противоположного пола, – он опять подмигнул и заржал.

Продолжая смеяться, Витя поднялся и направился в прихожую.

– Ладно, повеселили вы меня. Гришке привет передавай, – он сел завязывать шнурки. – Ты вообще супер, чтобы так реально меня разыграть. Ты в театральном учишься? Интересно, где вы познакомились. И ничего ж мне подлец не сказал! Как тебя зовут, кстати?

– Гриша. Григорий Павлович Земелин.

От смеха Витя опять сложился пополам.

– Ну, хорошо, Гриша. Лучше никому не рассказывай, что тебя так зовут, а то заметут в дурку, – сказал он, отдышавшись.

– Можешь смеяться, конечно. Я бы тоже не поверил. Только время покажет, кто из нас прав.

– Ого! – Витя заметил наконец печаль на женском личике Гриши. – Да ты не грусти! Хочешь, я скажу брату, что поверил? Ты очень классно всё сделала. Одежда на тебе вообще шикарно смотрится.

Гриша грустно усмехнулся.

– Ну пока, – Витя, отступая задом, вышел и прикрыл за собой дверь.

Земелин вернулся в комнату. Рухнув на кровать лицом в подушку, он лежал неподвижно, зарывшись в волосы, переваривая разговор с братом.

«А, собственно, чего я ожидал? Что он поверит в такую чушь? Я даже сам не верю».

Земелин перевернулся на спину, знакомыми движениями нащупал груди, соски, спустился по талии к джинсам, запустил руку под ремень и резинку трусов. Там по-прежнему было пусто: только жёсткие курчавые волосы и мягкий разрез половых губ.

«Как же я так неудачно проснулся сегодня? – Земелин поднял тонкие руки к потолку. – Посмотрим, что будет завтра».

3

Но ни завтра, ни послезавтра, как он ни старался проснуться с ощущением эрекции в трусах, женские половые органы первыми попадались под руку.

«Похоже, я надолго застрял в этом теле», – приходил он к неутешительному выводу.

Он стал задумываться о простых вещах: одежда, работа, аренда квартиры. Все эти вопросы необходимо было решать в срочном порядке, иначе завтра он окажется на улице, и тогда даже родители не захотят принять его. Опыт с братом показал, что он не может жить прошлой жизнью, никто не поверит в чудесное превращение.

На второй день января Григорий отправился по магазинам. Дома он хорошо подготовился, чтобы не испытать конфуз в магазине. Снял с себя мерки, нашёл в интернете размеры, выписал на листке бумаги всё, что хотел купить. В итоге уже к вечеру он стал счастливым обладателем четырёх пар женских трикотажных трусов без всяких там цветочков и кружев. Такие же две белые и две чёрные маечки украсили его гардероб. Купил светло-голубые джинсы, чёрные зимние сапоги без каблуков и платформы, чтобы удобнее было ходить. Купил два белых, один голубенький и один чёрный бюстгальтер. Вечером, надев белый бюстик, он впервые за два дня испытал комфорт, находясь в женском теле. В этот момент он полностью преобразился: чёрная водолазка плотно облегла стройную фигуру, натягивалась на холмах груди, джинсы отлично сидели на широких бёдрах, даже чёрные носочки хорошо смотрелись на ногах.

Земелин стянул волосы резинкой в хвост, чтобы выглядеть по-деловому. Оставалось купить женское пальто, но он решил не спешить. Вдруг завтра он проснётся в мужском теле, куда тогда девать женское барахло?

Но назавтра он проснулся в женских трусах и маечке, под которыми по-прежнему прощупывались мягкие сферы груди и влагище. Трусы и маечка тоже были мягкими и тоньше, чем обычные мужские. Вся эта мягкая атрибутика поначалу смущала и нервировала Земелина, потом забавляла, наконец он полностью потерял к ней интерес и переключился на более важные задачи.

Последние три года Земелин работал ведущим программистом в небольшой IT-конторе. Был на хорошем счету у начальства, пользовался авторитетом у коллег. Он хорошо зарабатывал и быстро продвигался по карьерной лестнице. Но теперь приходилось начинать сначала.

«Проще всего было бы устроиться на старую контору», – размышлял он, составляя резюме Виктории Зельской.

Без паспорта он не мог купить сим-карту, поэтому решил воспользоваться домашним номером, который практически никогда не использовал на работе.

«Я ведь ничего не украл. Если спросят, скажу, что недавно взял освободившийся номер. А Земелин напишет, что срочно уехал на ПМЖ в Индию», – Гриша растянулся в улыбке, не замечая очаровательных ямочек на щеках.

Он отослал резюме, и уже на следующий день ему позвонила Настя Голович – рекрутер компании, хорошо знакомая ему по непростым отношениям, сложившимся с ней. Одно время Земелин волочил за Настей, но та предпочла встречаться с другим.

– Ну хорошо, когда вы можете подъехать? – Настя провела разведку боем. Списка озвученных технологий хватило, чтобы вызвать у рекрутера должное уважение.

– Могу сегодня во второй половине, – Земелин был не против поскорее приступить к работе.

– Замечательно, – Настя тоже обрадовалась неожиданной добыче.

Они договорились на пять. Земелин распустил волосы, напялил белую вязаную шапочку, новое бежевое пальто, повесил на плечо модную кожаную сумочку, которая стала ему в кругленькую сумму, и выправился на собеседование.

Очаровательная Настя встретила его милой улыбкой. Это была крашенная блондинка с ангельским личиком, слегка вьющимися волосами, распущенными на плечах, тёмными у корней, озорными голубыми глазками и богато накрашенными ресницами. Губки она красила в блестящий розовый цвет.

– Как добрались? – невинно поинтересовалась она.

Земелин за три года изучил путь на работу так, что мог бы с закрытыми глазами найти дорогу.

– Пришлось немного походить, – соврал он.

– Расскажите немного о себе, – закинула удочку Настя, когда Земелин скинул пальто и уселся на стул. – Как вы, например, выбрали профессию программиста?

Любопытная Настя полировала сиськи Земелина взглядом исследователя. От такого напора он подрастерялся.

– В школе мне очень нравилась математика, – сказал он. – Когда пришло время выбирать университет, я выбрала технический вуз.

– И как вам, нравится программировать? – это были вопросы на грани фола. Настя явно изучала территорию в собственных интересах.

– Да, нравится, – кивнул Земелин.

В этот момент в комнату вошли хорошо знакомые Григорию люди: Вадим Давиденко и Игнат Садовский – оба очень опытные и уважаемые в компании программиста. Они по очереди представились, протянув Зельской руку. Чёртики в хориных глазках Игната сразу напомнили Григорию о предвзятом отношении Садовского к девушкам-программисткам.

«Девушка-программистка – она как морская свинка, – любил шутить Игнат. – И не девушка, и не свинка».

«Ну погоди, засранец, сейчас ты у меня отгребёшь по полной!» – настраивал себя Земелин-Зельская.

Вадим Давиденко, наоборот, был человеком недавно женившимся во второй раз. Он трепетно относился к представительницам слабого пола, наверное, потому что сам целыми днями носился со своей молодой красивой женой. Она часто приходила на работу, вместе они шли на концерт или в театр. В моменты появления жены в офисе Вадим с удовольствием подмечал для себя завистливые взгляды коллег. Сейчас этот чернявый короткостриженный крепыш, слегка косивший на левый глаз, напялил очки на нос, закинул ногу за ногу и деловито изучал резюме Виктории Зельской.

– А почему вы из Ипама решили уйти? – задал он самый ожидаемый вопрос.

– Проект закончился, и меня перевели на поддержку внутренних сайтов. А там технологии все старые, вот я и подумала, что надо двигаться дальше, – Земелин сам не раз проводил интервью и прекрасно понимал подвох, связанный с этим вопросом.

Если человек уходит из одной конторы, потому что ему что-то не нравится, то не факт, что его всё устроит на новом месте. Указать деньги в качестве основного аргумента было бы оптимальным вариантом, но Земелин пока что не был готов к торгу. Ему просто хотелось работать в знакомой среде с надёжными ребятами. Чтобы всё было по-старому и он мог не напрягаясь делать свою работу.

Тимлиды приступили к техническому собеседованию. Настя, сидевшая рядом за столом, наострила ушки, умные ответы Зельской казались ей китайской грамотой.

Садовский активизировался. После простых вопросов посыпались задачки посложнее, на смекалку. Земелин отлично владел темой, он и сам не раз валил претендентов, сбивал амби-

ции зарвавшихся перебежчиков. Но сейчас он только делал вид, что думает. Все эти задачки, ответы на них, были ему давно знакомы.

Рыжеватый Игнат, похожий на хорька с кривыми зубками, рвал и метал, постепенно заряжаясь благоговейным трепетом.

– Вам раньше эти вопросы не попадались? – заикнулся он для проформы.

– Кое-что я читала в книгах, ещё опыт, конечно, пригодился и интуиция, – Григорий сидел как на экзамене: поджав ноги под стул, положив руки на коленки. Он невольно гладил себя по бёдрам, наклоняясь вперёд-назад. От волнения ладони стали горячими и влажными.

Перешли к организационным вопросам: когда вы можете выйти на работу, какие пожелания по зарплате имеются? Земелин отвечал коротко, оставаясь профессионалом в ведении переговоров.

Когда все вопросы были улажены, ребята, почувствовав, что добыча у них в руках и птичка ну никак не упорхнёт, начали обсуждать, кто чем занимается в свободное время.

– Шейпинг, пилатес, – как по бумажке соврал Земелин. В резюме у него так и было написано.

– Вы не замужем? – неожиданно поинтересовался Вадим. Видимо, общий тон доверия, неожиданно возникший между ними, давал ему такое право.

– Нет, – Григорий напрягся.

– А в ближайшее время не собираетесь? – теперь уже Настя зондировала территорию.

Земелин ухмыльнулся. Интерес ребят к его личной жизни был понятен. Каждый приценивался, чего ожидать от симпатичной программистки и можно ли подбивать к ней клинья.

– Нет, не собираюсь.

– Хорошо, – Вадим поднялся со стула, давая понять, что собеседование закончено. – Тогда, – он сделал паузу, вспоминая, какой сегодня день, – до понедельника.

Земелин пожал протянутую руку.

– До свидания, – Игнат тоже пожал руку и, бросая подозрительные взгляды в сторону Зельской, направился к выходу. Подбоченясь, он стоял у двери, переговариваясь с Вадимом, на лице застыла недовольная мина. Он был смущён, подавлен, повержен. Земелин злорадно улыбался вслед, предвкушая новые стычки с настырным женоненавистником.

– Ну как, не слишком тяжело было? – спросила Настя, когда они остались в комнате одни.

– Достаточно тяжело, – Земелин перевёл на неё уставший взгляд.

– Давай, может, на ты, раз вместе работать будем? – Настя облизнула блестящие губки, блеск её глаз в который раз очаровал Земелина.

– Давай.

– В понедельник, когда придёшь, зайди сразу ко мне. Я тебе всё покажу и расскажу, – Настя дружелюбно улыбалась. Никогда раньше Григорий не видел её такой заинтересованной.

– Спасибо, обязательно зайду, – он поднялся. Нашупал шапочку в кармане пальто, неуклюже напялил её. Настя вышла из-за стола и стояла рядом, провожая гостью оценивающим взглядом.

– Я очень рада, что ты у нас будешь работать. Девушек у нас мало, только тестировщицы. Так что ты первая программистка. Я вообще никогда раньше не встречала девушек-программисток. Вот теперь буду знать, что есть такие люди уникальные, – она стояла, скрестив руки на груди, найдя упор попой на крышке стола, загадочно улыбаясь.

Такого радушия Земелин никак не ожидал. Покачивая сумочку в руке, он стоял спиной к двери, переминаясь с ноги на ногу.

– Я тоже очень рада, что буду работать у вас, – промямлил он.

Земелин долго думал, протягивать ему руку или нет. Наконец не выдержал и неуверенно протянул: – До свидания.

Настя захихикала в кулак, протягивая руку:

– До свидания, – произнесла она, провожая Викторию Зельскую задумчивым взглядом.

Та, сражаясь со стеснением, вызванным кучей формальностей, семенила по коридору, радостно обдумывая, как лучше преподнести себя новым старым коллегам в понедельник.

4

Григорий испытал облегчение, выходя на улицу. Все эти дни, пока он устраивался на работу, налаживал отношения с хозяйкой квартиры, которая тоже не возражала против смены арендатора – главное, чтобы вовремя платили, – Земелина не покидало противное ему вороватое чувство стыда. Как будто он совершает противоправное действие, неявный обман, который однажды будет раскрыт. Ему казалось, что вот он поменялся телами с незнакомой девушкой и пользуется всеми благами общества для достижения личной выгоды. Разве не он должен бегать по врачам, роддомам, органам внутренних дел в поисках ответа? Кому принадлежит женское тело, вдруг это мошенница, убийца? Он должен всё выяснить про неё, прежде чем согласится пользоваться её телом. Вдруг она всё подстроила, или это проделки тайной организации, или опыт по перемещению душ? Кто-то же должен отвечать за то, что произошло, не бывает случайностей. От всех этих мыслей голова шла кругом, и всё же он двигался, ходил, общался, привыкал к новым ощущениям. Женское тело оказалось гибким, пластичным, непривычно лёгким и слабым. Мягкость бёдер и ягодиц, талия, а главное – упругие капли грудей, которые едва умещались в ладонях, – вызывали постоянное противоречие, тревогу в душе Земелина. Он пальцами изучал идеальное строение влагиалища, которое к слову сказать, досталось ему гладко выбритым, кроме курчавой полоски на лобке, и всё больше погружался в нелепые приятные фантазии о женском сексе.

За свою недолгую жизнь Земелин встречался с двумя девушками. Первая любовь с треском провалилась через три года после бурного начала сексуальной жизни. Вторая протянула аж целых два года. К третьей попытке Земелин пока не был готов. Он встречался, приценивался. Свидания проходили вяло, как ознакомительные лекции. Григорий за версту чувствовал стервозность, нутром ощущал патологическую глупость, капризность. Поэтому так тяжело давались отношения, да он и не хотел их заводить. Бремя ответственности неизменно сводило на нет инстинктивные попытки любить, лишь изредка он доводил свидание до прощального поцелуя в губы. С последней девушкой он расстался чуть меньше года назад и до сих пор не чувствовал необходимости что-то менять. После расставания он решил, что хочет передохнуть пару месяцев, но неожиданно передышка эта затянулась на год.

С Настей он сходил на три свидания – невероятное достижение, учитывая его расшатанную психику. Так он по крайней мере оценивал своё состояние. Настя не спешила давать добро. Привереда крутила носом, срывала встречи, опаздывала, навязчиво динамила, намекая на более дорогие подарки и развлечения. В это же время к Насте начал подбивать клинья другой парень, и она в итоге переметнулась к нему, неявно обвинив Земелина в занудстве и жадности. Якобы, он недостаточно внимателен, не абсолютно романтичен, не идеально щедр.

И всё же он любил и хотел Настю. Таких красоток он даже на свидание ни разу не вытаскивал. Настя могла быть интересной, открытой, если бы не устанавливала планку слишком высоко. Новый кавалер пролетел над Парижем так же стремительно, как Земелин, и блондинка с точёной фигуркой продолжила собирать трофеи в виде мужских сердец.

Григорий оставался на скамье запасных. Время от времени Настя флиртowała с ним, как бы говоря: «Я здесь, я всё ещё могу быть твоей! Нужно всего лишь подпрыгнуть выше», и Земелин только бросался в бой с новыми силами, как дверь тут же захлопывалась перед самым носом, и он погружался в новый виток разочарования. Казалось, другие девушки мизинца Настиного не стоят. Никто не сравнится с Настей в красоте глаз, очаровании улыбки, шарме покачивания бёдер.

Он мечтал о ней с тех пор, как она пришла работать в компанию. Сексуальные фантазии на работе подпитывались сексуальными нарядами Насти. На грани фолла она надевала лёгкие платья, колготки с узорами, обтягивающие джинсы или штаны. Водолазки подчёрки-

вали контуры груди, талию, джинсы сидели как влитые на упругих округлых бёдрах. Стройные длинные ноги не смыкались под попкой до конца, оставляя небольшой треугольничек. Совсем маленький, но достаточный, чтобы держать в боевой готовности всех мужчин компании. Настя быстро втёрлась в доверие к директору, стала лицом фирмы, талисманом, неприкосновенным символом женского превосходства над мужчинами. И они боготворили её, поклонялись чистому гению её красоты. Никто не зарился на ценный трофей. Лишь самые дерзкие и безбашенные, а также такие самоуверенные, убеждённые в собственной правоте и гениальности, такие как Земелин, могли позволить себе безуспешно приударить за красоткой.

Земелину было чем гордиться: победы на международных олимпиадах по программированию, ключевые роли в инновационных проектах, зарплата в два раза выше средней. Только Настя не смогла по достоинству оценить достижения Земелина.

Всё ничто, пыль в глаза по сравнению с качествами, которых, судя по всему, Земелину не хватало.

Поэтому так странно было ощущать новый интерес со стороны Насти. Вдруг она стала открытой и дружелюбной, отбросила флирт и воспитательную стервозность. Григорий понимал, что Настя всего лишь набивается в друзья к симпатичной программистке, но тем не менее даже такое положение льстило ему. Дружба с Настей замаячила на горизонте, и Зельская незаметно погрузилась в эротические фантазии. Поначалу Григорий стеснялся трогать себя, но с каждым днём тело вызывало у него всё меньше нареканий, отсутствие члена уже не пугало по утрам, груди воспринимались как отдельные части тела, требующие особого внимания и ухода. Он научился с первого раза застёгивать бюстик, поправлять шлейки, упаковывать малышек в чашечки так, чтобы их не сдавливало. С каждым днём его движения становились более уверенными. Исследуя себя по утрам, он забирался всё дальше, всё глубже погружал пальчики во влагалище, которое с некоторых пор покрылось щетинкой. Всё это было весьма необычно: возбуждение, наступавшее внизу живота, выражалось выделением смазки, повышенной чувствительностью.

Проснувшись утром на следующий день после собеседования, Земелин вспомнил Настю и руки его незаметно спустились к влагалищу. Он гладил себя под одеялом, раскинув ноги, как лягушонок, пальчиком проникал в губки, постепенно входя во вкус. Бугорок клитора заиграл под пальцами, волнами удовольствия разлился по телу. Земелин свёл плечи, отчего груди стали больше, упрямее. Они твёрдыми сосками торчали вперёд. Две руки Григория активно растирали влагалище, пальцы скользили вдоль клитора, срываясь в посасывающую щель, которая вся наполнилась соком.

Земелин представлял себя с Настей, только вместо Насти был он сам. Он сам становился объектом своих же фантазий. Он представил, как членом водит по влагалищу, как входит в горячую щель, трахает её, притираясь лбом к клитору, как целует девушку, посасывает её загрубевшие соски. Он доставлял себе удовольствие, отделившись от женского тела, на минуту став объектом собственных фантазий. Трахая это тело в мыслях, Земелин приблизился к пику и бурно кончил.

Свой первый женский оргазм он никогда не забудет, как будто цветок влагалища в руках зацвёл, запылал огнём, вызвавшим дрожь и эйфорию. Гриша растворился во взрыве, испугавшись на долю секунды, но уже в следующий момент с благодарностью поглаживая нежный бутон страсти, перемещаясь мокрыми ладонями по животу к грудям, которые налились тяжестью.

Так он лежал, расслабившись, представляя себя на месте Насти. Как он доставил удовольствие Насте, как она лежит счастливая после секса.

Реальность медленно возвращала Земелина в комнату, прерывала ход мыслей. Слишком много вопросов вызывала эротическая фантазия даже при текущем положении вещей.

5

В понедельник, придя на работу, Земелин сразу ощутил на себе протекцию рекрутера компании Насти Голович.

– Мальчики, знакомьтесь! – объявила Настя на весь оупен спейс. – Виктория Зельская – ваша новая коллега. Она будет работать на проекте Джеофорс, заниматься серверной частью. Я правильно говорю? – обратилась Настя к Артуру – тимлиду проекта.

Деловой сорокалетний Артур непривычно напрягся, протягивая руку Зельской, усы недовольно зашевелились, выдавая волнение. Это был старый солдат с блестящей лысиной и широкой монашьей полосой тёмных волос. Он по-отечески приценивался, рассматривая кареглазое чудо в водолазке, джинсах и сапожках.

– Да, всё верно, – пробормотал он.

Никто не спросил у Артура, хочет он такую подчинённую на место трудяги Земелина, готов ли он заниматься обучением морской свинки, теряя драгоценное время на объяснения. Но главное его не позвали на собеседование, словно найм ценного кадра с сиськами не имел к нему равным счётом никакого отношения. Поэтому добряк Артур был так сдержан и подавлен первые часы.

Зельскую посадили за компьютер Земелина, – даже в этом совпадении Грише крайне повезло, потому что железо было помощнее стандартного. Сисадмин Миха Прохоров принёс на клочке бумаги логин и пароль.

Артур оставил Зельскую медитировать, а сам смотался на митинг. Когда он вернулся, то первым делом решил помочь новенькой настроить проект:

– Давайте, Виктория, тогда выкачаем сначала файлики из репозитория, и я покажу вам, как запускать и билдить проект.

– Давайте, – Земелин покосился на Артура. – Только давайте лучше на «ты», – он расплылся в дурацкой улыбке.

«Файлики! Хорош гусь!» – подумал он про себя.

– Я не против, – Артур чеширским котом растянулся до ушей и, слегка откашлявшись, продолжил: – Так вот, Виктория...

– Вика, – поправила Зельская и хихикнула.

– Да, Вика, – Артур вновь откашлялся, попытался нахмуриться, но тут же добродушно улыбнулся. – Ты раньше работала с гитом?

– С гитом в основном и работала. Вот смотрите, я уже всё настроила. Дима помог, – Земелин кивнул на соседа по столу, запустил локальный сервер и открыл веб-страницу с проектом.

– Замечательно, – Артур скептически уставился в монитор.

Ближе к обеду стало понятно, что новенькая не лыком шита, и проблем с её обучением не предвидится. Артур, не привыкший выражать эмоций, довольно постукивал по клавиатуре, набирая имейл на английском. Его подопечная готовилась закрыть первый баг.

Длинноволосый рокер Дима, сидевший в углу справа, лояльно отнёсся к девушке на проекте. Можно сказать, его безразличие к гендерному вопросу вступило в противоречие со всеобщим настроением, царившим в комнате. Кроме них в просторном открытом зале сидели ещё семь разработчиков, отделённые невысокими перегородками. Программисты эти, несмотря на тихое посапывание и покашливание, вникали во все дела, связанных с новенькой. Ни от одной пары глаз не ускользнула её фигурка, её подтянутая попка, подрагивающие под водолазкой холмики груди. Они пялились в мониторы, а в мыслях изучали сексапильную девушку, которая, хоть и была одета по-деловому, постоянно маячила перед глазами, будоражила их фантазию. Обычно после обеда в комнате начинался галдёж, травили анекдоты, спорили о политике, технологиях. В этот раз все сидели смирно, будто боялись нарушить идиллию.

Вика Зельская впервые почувствовала дискомфорт, находясь среди коллег. Разница в общении была разительна. Земелин и сам поменялся в общение – так мужчины были равнодушно и стеснительны. Очутившись по ту сторону баррикад, Григорий и жалел, и журил ребят:

«Ну как можно столько молчать из-за одной бабы в комнате!» – сокрушался он.

Ближе к вечеру Земелин получил в чате приглашение от Насти выпить вместе кофе.

«С удовольствием», – ответил он и тут же соскочил. Тишина в комнате казалась невыносимой, как будто все вокруг насупились и думают только о ней, о её присутствии.

Земелина-Зельская поплелась по коридору в комнату отдыха, где её уже ждала Настя.

– Ну как ребята, не обижают? – весело спросила она, тиская кофемашину. – Тебе какой?

– С молоком, – отозвался Земелин. – Ребята классные, нужно время, чтобы со всеми познакомиться.

Настя хихикнула.

– У нас много людей работает. Даже я не помню всех по именам.

– Хотя бы в нашей комнате запомнить, как кого зовут, – Земелин встретился глазами с Настей.

Та игриво улыбнулась и плюхнулась на диван, жестом приглашая Вику присоединиться. Поставив стаканчик на журнальный столик, она закинула ногу за ногу, от скуки открыла журнал и тут же бросила.

– Как первый день, не тяжело? – спросила Настя, разглядывая маникюр.

– Всё очень похоже на то, что я уже делала раньше.

– Да, это хорошо, – задумчиво протянула Настя. – Знаешь, до тебя у нас работал один молодой человек, на твоём месте, кстати, сидел. Он пытался ухаживать за мной, а потом вдруг исчез. Вот я боюсь, что он из-за меня ушёл, – Настя отбросила флирт, посмотрела на Земелина пытливым взглядом, ища поддержки.

– Он тебе нравился? – Земелин поставил кофе на столик.

Настя опять погрузилась.

– Не знаю, – она сложила руки на груди. – Теперь, когда он ушёл, кажется, не было лучше парня на земле, – она облизнула губы, перевела виноватый взгляд на Вику. – Все меня бросают.

Земелин вдруг ощутил Настину боль, её страх одиночества. Настя не шутила, не притворялась, как обычно. Она искала человека, с кем можно поговорить по душам, и он незаметно становился её другом.

6

Постепенно Земелин вливался в коллектив в новом образе. Он со всеми здоровался, первым завязывал разговор, дружелюбно улыбался. Никогда раньше он не чувствовал столько внимания к своей особе. Впервые он купался в славе, уважении, которое лилось на него как из рога изобилия. Негласно программисты всегда недолюбливали Земелина за излишнюю способность доказывать правоту. Очувтившись в женском теле, Григорий наслаждался дебатами, возникавшими время от времени. Мужчины спорили мягко, оставались покладистыми и всепрощающими. Земелин вдруг ощутил странную силу убеждения. Острота ума позволила ему найти точки соприкосновения, обозначить территорию. Впервые он схлестнулся с Игнатом Садовским, который, зайдя к ним в комнату под предлогом «поговорить», остался на два часа, чтобы в итоге на спор проиграть ящик пива.

Смеялись все, весть о том, что Зельская «натянула» Игната, молнией пронеслась по офису. Виданное ли дело, женоненавистник Игнат, который даже шнурки завязывает, используя хитроумный алгоритм, нарвался на программистку, которая в два счёта доказала ему, что он не прав. Игнат отшучивался, намекал на желание проиграть спор, но факт оставался фактом: ящик дорогого пива стоял у Зельской на рабочем столе уже на следующий день.

– В пятницу вечером приглашаю всех выпить со мной пива, – объявила Вика, светясь от счастья.

– О! Супер! – народ оживился, выглядывая из-за мониторов.

Так первая рабочая неделя закончилась для Земелина невероятным успехом среди коллег.

«Далеко пойдёт! – подумывал Артур, поглядывая на протеже, сидевшую рядом. – С таким характером в девках долго сидеть не будет. Утёрла нос!»

Вика пригласила Игната на пиво, написав ему в чате, но тот неожиданно нашёл кучу неотложных дел. Тогда она не поленилась и сама лично зашла к нему в комнату:

– Ты на меня обижаешься? – спросила она, подойдя к его столу.

Рядом сидели коллеги, которые тут же начали коситься. Сцена выяснения отношений между Игнатом и Зельской, похоже, интересовала их больше всего на свете.

– Нет, с чего ты взяла? – Игнат выпучил на Земелина хориные глазки. Оторвавшись от монитора он недовольным сурком стрелял блестящими чёрными зрачками.

– Пиво не любишь? – Вика улыбалась краешком губ. Слегка выставив правую ногу вперёд, она натянутыми ладонями нашла упор на соседнем столе.

– Люблю, – Игнат подозрительно улыбнулся, чуя подвох.

– Тогда жду тебя в пятницу в шесть вечера в комнате отдыха. И попробуй только не приди!

Сосед Игната закрыл лицо, давясь от смеха. Ещё один присвистнул, сыграв бровями.

Вика хихикнула и ретировалась. Ей нравилось флиртовать на работе. Такое право ей давало новое положение. Зельская чувствовала власть над мужчинами, упивалась свободой, погружаясь в пучину возможностей.

На следующий день – это была пятница – Игнат пришёл на работу в брюках со стрелкой, туфлях, шёлковой рубашке. Он попытался успокоить торчащие во все стороны волосы, но непослушный клочок, как стоял на затылке, так и остался там топорщиться.

Земелин, заваривший попойку, руководил процессом, насколько ему позволяла это его новая сущность. Были приглашены ребята из комнаты, где он сидел, Игнат, Настя. В обед Земелин забежал в супермаркет, купил закусок к пиву. Большое блюдо, одолженное у Насти, стояло по центру на журнальном столике. Ребята расположились по кругу, напротив девушек, занявших центральное осадное положение на диване.

– Ну что, Игнат, будешь ещё спорить с Зельской? – подмигнув, спросил Артур. Он стоял у окна, потягивая вторую бутылку, боком опираясь на широкий подоконник.

Ребята уже обсудили нюансы спора, и этот вопрос никого не удивил.

– Буду, – коротко ответил Садовский. – В этот раз ей повезло. Она не могла знать точно. Ты ведь угадала?

– Конечно, угадала, – захмелевшая Вика светилась от счастья. – Я даже хотела проиграть, чтобы проставиться. Извини, что так получилось.

Ребята дружно заржали.

Расходились в приподнятом настроении, каждый про себя дивясь необычной программистке, которая так лихо влилась в коллектив.

«Как она до сих пор не замужем?» – мучился вопросом Артур, заранее завидуя счастливчику, которого выберет Вика.

«Свалилась на мою голову!» – скрипел зубами Игнат, возвращаясь домой на метро вместо привычного мерседеса.

7

Незаметно пролетела ещё неделя, Настя каждый день пила кофе с Викой, сближаясь, рассказывая о себе интимные подробности.

– Ты такая необычная! – как-то раз сказала она подруге.

Вика ухмыльнулась, повела рукой по волосам. В последнее время ей всё больше нравилось разглаживать шелковистые волосы.

– Почему? – игриво отозвалась Вика.

– Ты не завидуешь, – Настя встретила с Викторией взглядом. – Все подруги, которые у меня были до тебя, завидовали мне. А ты какая-то не такая. Необычная ты! – Настя расплылась в невинной улыбке. – Пойдём в театр?

– Пойдём, – Вика потрепала Настю по плечу, поднимаясь с дивана. – Вдвоём? – она обернулась.

– А ты хочешь ещё кого-то пригласить? – Настя сложила пополам, чтобы подняться. Встав, она принялась отряхивать крошки с блузки, поправлять чёрные обтягивающие штаны, которые как влитые сидели на бёдрах.

– Нет, но если ты хочешь...

– Я ни с кем не встречаюсь, если ты об этом, – Настя подняла глаза. – А у тебя есть кто-то? – она бросила очередной невинный взгляд в сторону Зельской.

Земелин улыбнулся. До сих пор общение с Настей концентрировалось вокруг прошлого. Ему пришлось выдумать про себя с три короба, чтобы Настя поверила. Но сейчас речь зашла о делах нынешних. «Что на личном фронте?» – спрашивала Настя, опасаясь и здесь остаться одной.

– Нет, у меня тоже никого нет, – Григорий растянулся в улыбке до ушей. – Так что я полностью в твоём распоряжении! – он засмеялся, и давно уже ставший привычным девичий смех полился из него весёлой песней.

Настя просияла от счастья, закружилась по комнате отдыха с пустым пластиковым стаканчиком, окрылённая новыми обстоятельствами.

Вика Земелина вернулась на рабочее место, продолжила ударными темпами латать дыры в софте, улыбаясь своим мыслям.

Григорий, не смотря на внимание мужчин, не чувствовал желания заняться хоть с одним из них сексом. Его ориентация не поменялась, ему нравились девушки, он возбуждался, думая о них. Представляя себя с Настей, он становился мужчиной. Мастурбируя по утрам, он становился девушкой Григория, Настей, Викторией. Такая путаница в голове часто приводила его в уныние, он чувствовал гомосексуальность такой любви.

В середине января приключился ещё один казус, который запустил череду коллизий в новой жизни Земелина. Выйдя однажды из офиса, Вика лицом к лицу столкнулась с Игнатом, дежурившим на проходной.

– Можно тебя подвезти, – промямлил Игнат, и Земелину всё стало понятно без слов.

«Втюрился! Блин горелый», – мысли мельтешили в голове, пока он готовился дать ответ.

– Да, – тихо ответил он, внезапно погрузившись.

Они пошли к мерседесу Игната, стоявшему на стоянке во дворе. Вика послушно следовала за Садовским, семена сапожками, привыкая к новой роли. Сумочка свалилась с плеча, Вика намотала ремешок на кулак, бурно переваривая неожиданный поворот.

Они выехали со двора, двинулись в сторону проспекта.

– В какую сторону едем? – Игнат был напряжён, хоть и не подавал виду. Он улыбался, цедил сквозь зубы ругательства. Соседи в пробках постоянно подрезали, давали повод проявить эмоциональность натуры.

Вика указывала путь рукой, молчала, как рыба. Ничего не лезло в голову. Хоть убей! Обычно у неё тысяча слов, чтобы пошутить, успокоить, усыпить бдительность, а здесь как язык проглотила. Так они и доехали до дома Земелина без единого словечка.

– Ну вот, – Игнат вцепился в руль, хотя машина стояла на месте. – Хотел у тебя ещё кое-что спросить... – он часто задышал, поглядывая в Викину сторону. Земелин оставался в машине, предвидя развязку.

– Можно тебя пригласить в кино или поужинать вместе? – почти шёпотом проблеял Игнат. Он резко повернул голову и уставился на Вику. Она сидела неподвижно, слегка повернувшись в его сторону, вцепившись двумя ручками в сумочку.

Земелин отчаянно цеплялся за любую возможность безболезненно избежать свидания. Встретаться с Игнатом никак не входило в его планы. Он готов был спорить с хориными глазами, флиртовать, но представить даже банальный поцелуй с Игнатом не поворачивался тумблер в голове.

– Я не могу, – виновато прошептал Земелин в ответ.

– А... чего? – Игнат вдруг опал в водительское сидение, расслабился, как будто гора свалилась с его плеч. – Это, конечно, не моё дело, можешь не отвечать... – поспешно добавил он, облизывая тонкие губки.

Земелин решил играть до конца:

– Я не встречаюсь с парнями, – более уверенно сказал он.

Игнат удивлённо повёл бровями. Хориный ротик приоткрылся. Он глуповато улыбнулся, почесал нос.

– Извини, а могу я спросить ещё раз почему? – теперь Игнат откровенно улыбался, отворачиваясь. Вика сглотнула, готовясь дать отпор:

– Потому что мне нравятся девушки, – она глубоко и громко втянула воздух.

– М-да-а-а, – протянул Игнат, расплываясь в улыбке ещё шире. – А ты что ли с парнями совсем не встречаешься? – он деловито постучал пальцами по рулю.

Внезапно раздражение нахлынула на Земелина. Игнат вынуждал его врать, раскручивая на непонятные откровения. «Да кто он такой, чтобы я ему про личную жизнь рассказывал?» – он гневно сверкнул очами.

– Это не твоё дело, Игнат, – как можно спокойнее произнесла Вика, теперь уже полностью развернувшись в его сторону.

– Да, извини, – спохватился Садовский. – В общем, если у тебя появится желание, ты знаешь, где меня найти, – пробормотал он.

– Я тебе нравлюсь? – спокойно спросила Вика.

– Да, – Игнат стеснительно опустил голову.

– Ты мне тоже. Ты умный, хозяйственный, целеустремлённый. Мне нравятся такие люди, – Земелин постарался выбрать всё самое положительное в Игнате. – Я хочу с тобой дружить, общаться, ходить в кино, ресторан. Но сексом мне нравится заниматься с девушками, а не парнями.

Игнат покивал головой, неловкая улыбка не сходила с его лица. Он сглотнул, вздохнул.

– Знаешь, такая ты мне даже больше нравишься.

Вика усмехнулась:

– Какая?

– Открытая. Я вообще в дружбу с девушками не верю, но с тобой можно попробовать. Не знаю, сколько ты меня вытерпишь, – Игнат усмехнулся.

– Я тоже не подарок, – Земелин встретился с Игнатом взглядами, одарил его очаровательной улыбкой с ямочками.

– Так что, будем вместе цеплять девчонок? – Игнат подмигнул.

Земелин рассмеялся:

– У тебя больше шансов!

– Ну, как сказать! – Игнат повёл бровками. – Если бы я был девушкой, я бы засомневался.

– Спасибо, – Вика, хихикая, намотала ремешок сумочки на кулак. Ситуацию с Игнатом она разрулила, можно было выходить. – Ну всё, я пойду. Спасибо, что подвёз, – она легко выпрыгнула из просторного салона мерседеса.

– Пока-пока, – Игнат не сердился, на его лице застыло удивлённое выражение принятия. Он с достоинством выдержал экзамен, не ударил в грязь лицом. Не каждый день так ошибаешься, но с кем не бывает?

Мерседес медленно покидал двор дома.

8

В небольшом театре царила домашняя атмосфера. Вика с Настей не спешили занимать места, программка обещала массу приятных впечатлений. Прогуливаясь по кулуарам, девушки незаметно сблизились, рассматривая фотографии актёров. Настя взяла подругу под руку, так что Земелин вдруг обнаружил, что играет роль мужчины, ведущего даму. Его возбуждали дружеские прикосновения Насти. Она не боялась, не шарахалась как во время первых свиданий ещё тогда, когда он был парнем. Наоборот, Настя сама искала связи, которая согревала её, отгораживала от одиночества. Девушки вернулись в зал, заняли места. Погас свет, рука Насти по-прежнему держала Викино запястье.

– Ты, правда, лесбиянка? – вдруг прошептала Настя, наклонившись к Викиному уху.

Земелин вздрогнул.

Всего два дня! Два дня понадобилось гнусному скунсу, чтобы разболтать по офису. Теперь каждая собака знает, что Вика Зеленская лесбиянка. Вот и верь после этого парням!

«Скотина! Сволочь!» – ругался Земелин на новом непонятном ему женском языке.

– Кто тебе сказал? – настороженно прошептал он в ответ.

– Да ты не бойся! – шёпотом залепетала Настя. – Я никому не скажу!

– Все и так, похоже, знают, – Вика нахмурилась.

– Ну и что! – Настя сильнее сжала запястье подруги, подогреваемая интересом. – Ну и что! В этом нет ничего плохого! Знаешь, как все офигели! Ещё больше тебя зауважали. Для мужика красивая лесбиянка – как красная тряпка. Я сразу догадалась, как только почувствовала, что ты не такая. Блин, ну ты даёшь! И молчала всё это время! – Настя гладила запястье пальчиком, как будто пыталась успокоить Вику. На самом деле она сама бурно переживала новость, подтверждённую из первых уст.

Земелин сидел подавленный, на сцене перед ним разворачивалась то ли комедия, то ли трагедия. Чёрт разберёшь! Люди то смеялись, то плакали, то плакали от смеха, то смеялись до слёз. Не так чтобы слишком задорно, и смех к тому же постепенно сходил на нет и уже казался неприличным.

9

Придя в понедельник на работу, Земелин сразу заметил любопытные изучающие взгляды практически каждого, с кем он пересекался в коридоре или у комнаты отдыха. Ближе к обеду общий интерес спал, уступив место рабочим отношениям.

Зельская-Земелин заново выстраивала общение. С кем бы она ни заговаривала, повсюду чувствовался налёт невысказанного стеснения.

Не выдержав, она набрала одно короткое слово в чате и отослала Игнату:

«Болтун».

Он долго думал, что ответить.

«Игнат набирает сообщение...» – бесконечно долго высвечивалось под чатом. Вика успела забыть про окно чата, когда наконец пришёл ответ:

«Прости, я только одному человеку сказал, а он придурок всем разболтал».

«Вы оба придурки», – Вика закрыла чат. Какие-то сообщения продолжали приходить от Игната, но она не обращала внимания.

Обедать ещё в былую пору Земелин ходил в компании друзей, но с тех пор, как он стал девушкой, положение изменилось. Он не чувствовал голода, на обед хватало салата. С первых дней Настя приучила его приносить еду с собой, уединяться с ней в комнате для проведения переговоров.

– Знаешь, что Игорь Владимирович сегодня сказал? – делилась Настя новостями, когда они по традиции уселись друг напротив друга за большой стол. – Сказал, что он тебя прекрасно понимает. Ему тоже нравятся девушки, – Настя улыбалась, поглядывая на подругу.

Григорий представил, как Настя забегает в кабинет директора, чтобы отметить, и вместе они обсуждают нетрадиционную ориентацию новой программистки.

– И охота людям языками чесать, – устало проворчал он, ковыряя вилкой в пластиковом контейнере.

– Можно тебя кое-о чём спросить? – осторожно начала Настя.

Земелин кивнул, его уже ничего не смущало.

– Ты сразу решила, что тебе нравятся девушки, или встречалась сначала с парнями? – голос Насти приобрёл знакомую доверительную окраску. Головач смотрела на Вику серьёзно, испытующе.

– Не, с парнями я никогда не встречалась, – решила не врать Вика. – Они никогда меня не возбуждали.

Он решил оставаться до конца честным по отношению к себе, Насте, как минимум, оставить себе из прошлого историю, ориентацию. В такие моменты он всегда смотрел прямо в глаза Насте, чем постоянно смущал её, приводил в смятение. Она всегда первая отводила взгляд. Но не в этот раз.

Коварная улыбка засияла на Настином личике:

– Может, тебе стоит попробовать один раз с парнем?

Земелин раздражённо постучал чайной ложечкой по чашке. Вика хмурилась.

– Может, тебе тоже стоит попробовать один раз с девушкой? – лягнула она и тут же пожалела, но было поздно.

– На себя намекаешь? – Настя хитро улыбалась, доедая салат. – А я тебе нравлюсь? – добавила она, сменив тон на интимный.

Земелин поднял глаза. Настя по-прежнему безумно нравилась ему, эта девушка, вскружившая ему голову, очаровательная блондинка. Он кивнул и смущённо отвёл глаза.

Настя загадочно улыбалась, она тоже чувствовала крайнее смущение.

– Это так необычно, – наконец сказала она и закусила губку.

Потом она в спешке ускакала из комнаты переговоров, и что-то поменялось в их отношениях. Земелин почувствовал, как Настя переключилась после этого разговора. Казалось, ещё вчера она была лучшей подругой, а сегодня бежит от него, как от ухажёра.

Грустный, он вернулся на рабочее место, гомосексуальные мысли о сексе с женщиной вновь парализовали ум. Целоваться, сосать член, давать себя трахать – всё это казалось ужасно грязным.

10

В начале марта пригрело солнышко. Земелин-Зельская радовалась приходу весны, как никогда в жизни. Находясь в женском теле, Земелин постоянно ощущал внутреннюю потребность выплёскивать эмоции. Дети, щечки, цветы радовали глаз, хотя раньше он не замечал за собой ничего подобного.

«Вот что значит гормоны!» – удивлялся он собственной эмоциональности. Григорий гулял домой через парк, чего раньше тоже никогда не делал.

Он пережил месячные – одни, вторые. Гардероб его полностью преобразился, все мужские вещи отправились храниться в мешке на антресолях. Земелин с сарказмом подошёл к процессу преобразования, он больше не стеснял себя в выборе сексуальных нарядов. К тому же, он заметил, что мужчины активнее реагируют на юбки, колготки, туфельки. Григорий по-прежнему испытывал кайф, купаясь в мужском внимании. Он научился краситься, выбирать причёску и даже отшивать пьяных мужиков на остановке.

Единственное, что в нём не поменялось, – это ориентация. Он часто засматривался на симпатичных девушек. Те неожиданно вешались парням на шею, целовали их в засос. Тут только Гриша вспоминал о собственной несостоятельности и возвращался к невесёлым мыслям потерянного в обществе человека.

Однажды, это случилось в конце марта, Настя пригласила Земелина к себе на День рождения. С приходом весны блондинка Настя расцвела пуще прежнего. Наряды сменялись день ото дня. Неожиданно она начала встречаться с менеджером компании Максом Девятовским. Это был высокий спортивный парень, короткостриженный, отслуживший офицером в армии, пришедший в компанию с чётким намерением сделать карьеру. Ему понадобилось два года, чтобы заслужить доверие руководства, занять ключевую роль в быстрорастущей организации.

Кроме Вики, Насти, Макса Девятовского на День рождения были приглашены также пять человек. Шумная весёлая компания гуляла несколько часов и начала расходиться только к одиннадцати.

– Останься, я хочу кое-что тебе показать, – шепнула Настя, когда Земелин тоже засоби-рался домой.

Он остался, сидел в зале перед телевизором. В голове гулял ветер. Григорий пил только шампанское, но этого хватило, чтобы изрядно опьянеть. Голова кружилась, расслабленное тело не чувствовало притяжения.

Настя вернулась в зал, проводив последних гостей, села рядом, налила в бокалы вина.

Обменявшись парой фраз, девушки сидели в эйфории, вдыхая весенний воздух, залетавший через окно. Вика чувствовала, что скоро захочет спать, но уходить не хотелось. Было лень, и силы иссякли. Она развалилась на диване, сползла по сиденью.

– Знаешь, – начала Настя, украдкой поглядывая на Вику, как всегда, когда она сильно волновалась. – Макс сказал, что не против того, чтобы я встречалась с тобой и с ним одновременно. Ну, то есть по очереди. Он говорит, что девушка с девушкой – это несерьёзно. К тому же, ему нравятся такие отношения между девушками.

Настя разглаживала юбку на бёдрах, смущённо поглядывая на подругу. Та приходила в себя, опьянение как рукой сняло.

– Ты тоже считаешь, что девушка с девушкой – это несерьёзно? – спросила она, обиженно поджав губки.

– Обиделась? Не обижайся, Викуня, – Настя положила руку на Викину ногу, продолжила гладить. – Это Макс так считает. Я ничего не знаю про такие отношения. Может, мне понравится с девушкой ещё больше, чем с парнем.

Земелин, привыкший к Настиному трёпу, бесконечным оговоркам, устал гадать «любит – не любит». Сделав над собой усилие, он приподнялся и поцеловал Настю. Просто накрыл её губки своими, слился в нежном поцелуе, поначалу осторожном, но с каждым движением губ и языка всё более уверенном и напористом.

Он целовал Настю как мужчина, и ему было абсолютно всё равно, как это выглядит со стороны. Он хотел её, а значит, желание его, мужское, наделялось всеми полномочиями.

Пальчиками с маникюром расстёгивал он белую блузку, запуская ладони под тонкую ткань, скользил по коже. Движения эти, давно забытые, ощущения вспыхнули с новой силой. Земелин расцеплял Настин бюстик, та ещё сопротивлялась, нащёптывая:

– Вика, что ты делаешь?

Но её интерес уже передался Земелину десятикратно. Он сжимал упругих девочек, вылизывая набухшие соски круговыми мазками. Настя под ним быстро таяла, возбуждённая, она неловко гладила подругу по волосам, больше отдавая, чем забирая сама.

Земелин расстёгивал юбку Насти, ладонями скользил под неё, достигая трусиков, которые тонкими завязочками сидели на бёдрах.

Уже опала юбка на пол, блузка осталась лежать на подлокотнике дивана, Настя лежала перед Земелиным во всей красе: поджав ножки в чулочках, выставив писю, затянутую белыми трусиками.

Поцелуями спускался Григорий по бёдрам и животу, стягивал белую полоску трусиков набок. Настина розовая пися слегка распустила губки, подтекала смазкой. Она была гладенько выбрита, лишь на лобке оставался треугольничек коротких волос.

Первые прикосновения языком заставили Настю вздрогнуть, выгнуть спину. Двумя руками обхватила она Викину голову, шире раздвигая бёдра.

– Викуня, – шептала Настя. – Как хорошо Макс придумал. Если бы не он, я бы никогда не решилась.

Вика ввела средний палец во влагалище, замерла так, давай Насте привыкнуть.

– Зачем тебе Макс? – она приставила два пальца снизу, заработала попойкой, потрахиывая подругу.

Вика оставалась в юбке и кофточке, мечта трахнуть Настю наконец сбывалась, но весьма странным образом. Земелин не чувствовал обратной связи, его ум лихорадочно работал, изобретая решения проблемы.

Настя сама предложила перейти в спальню:

– Идём, – сказала она, притягивая подругу к себе, целуя её и обнимая. – У меня есть сюрприз для тебя.

Они поднялись, Настя взяла Вику за руку и потащила за собой.

Трёхкомнатная квартира, в которой Настя жила с родителями, длинным коридором разводила комнаты, одна из которых была спальней с большой кроватью. Платяной шкаф стоял вдоль стены.

Сюрприз ожидал Земелина в углу комнаты. Макс Девятковский собственной персоной сидел в кресле, никуда он не ушёл, только дверь хлопнула. Всё это время он оставался в квартире! У Вики цветочки на обоях поплыли перед глазами. Настя голышом скакала возле кровати.

– Не бойся, он только посмотрит? Правда, Максик? – Настя бросила на парня щенячий взгляд.

– Да, я только посмотрю, – с хрипкой в голосе отозвался Девятковский.

Вика стояла, опустив руки, понунив голову, Земелин в ней протестовал, отказывался работать на публику. Григорий и так находил случившееся в зале унижительным, отсутствие члена сказывалось на психике. Он переживал, как, возможно, импотент страдает во время неудачной попытки. А тут ещё публичное выступление перед парнем, которого он с былых

времен недолго любил. Девятковский понтовался, хоть и не явно, лез по головам по карьерной лестнице. С другой стороны, Земелин был мало знаком с Максом, который увлекался пулевой стрельбой, хорошо разбирался в военной технике, вечно оставался в тени на увеселительных мероприятиях.

Настя, чувствуя поддержку парня, зашла сбоку, приобняла Земелина. Её губы прильнули, тёплые струйки воздуха защекотали губы, нос Григория.

– Я хочу тебя, – шепнула Настя, её веки томно опустились. Она губами обхватила нижнюю губку Вики, потянула её. Вика отозвалась, положив ладони на Настины ягодицы.

Земелин дрожал от возбуждения, Девятковский, сидевший в кресле в углу, был бездвижен. Он облокотился на поручень, подпер голову, глаза неподвижно застыли на целующихся девушках. Григорий не мог сконцентрироваться, да и не хотел. Присутствие парня пугало его, вялое тело плохо слушалось. Он чувствовал себя куклой в руках Насти, которая, возбуждись неявным согласием, лезла из кожи вон, чтобы угодить Максиму. Казалось, её стремление выглядеть красиво полностью поглотило её. Она стягивала кофточку с Вики, а сама смотрела на Макса. Поворачивала Вику к свету, демонстрируя женские прелести подружки, затянутые в бюстик. Она совершала акт стриптиза, пользуясь Викой в качестве модели. Зайдя сзади, она выглядывала из-за спины, гладила Викины груди. Земелин в этот момент, обезоруженный, стоял неподвижно. Он боялся Девятковского и хотел, чтобы тот смотрел. Внезапно внимание мужчины захватило Григория. Все эти месяцы, общаясь с мужчинами, он невольно упивался властью, купался в славе, которая так легко доставалась лёгким флиртом. Теперь блеск в глазах Девятковского, его похотливый взгляд, вернулись к нему диким возбуждением. Волна накрыла до тёмных пятен в глазах. Он поднял руки, выгнул спину, обхватывая Настю за голову.

– Так нравится? – возбуждённо шептала Настя, поглядывая на Макса. Её ладони сжимали груди, пальцы щупали затвердевшие соски. – Нравится, когда он смотрит? – она тёрлась сзади, прижимаясь лбом к Викиным бёдрам, на которых всё ещё висела юбка.

– Да, – отозвалась Вика.

Земелин закусил нижнюю губу. Танец живота, разоблачение перед Девятковским вызвало в нём приступ безразличия.

«Будь, что будет!» – призывал он себя к спокойствию. – Не укусит же он меня».

Настя тем временем ладонями спустилась к юбке, нашла пуговку с молнией. Медленно, чтобы не потерять зрелищности, повернула Вику попой к Девятковскому.

– Вот так, милая, потанцуй со мной, – шепотом призвала она, продолжая возбуждёнными поцелуями прохаживаться по Викиному лицу.

Земелин медленно вилял бёдрами, знакомое движение, выученное при ходьбе на каблуках, легко повторялось, учитывая округлые формы бёдер.

Настя гладила Вику по попе, её руки скользнули под юбку, задрали её на короткое мгновение, вновь опустили. Она дразнила Девятковского, Земелин отлично понимал смысл такой игры, сам включился в необходимость оставаться соблазнительным и недоступным.

Наконец юбка опала, и он остался в одних трусиках, тех самых простых белых трусиках без наворотов, которые он купил второго января.

Ладони Насти сошлись на ягодицах подружки, растянули их в стороны, стиснули, как до этого сжимали груди. Эротический танец превратился в сплетение рук, слияние губ. Белые трусики опали к щиколоткам, и Вика полностью предстала голой перед Максимом Девятковским, перед Настей Головач, которая и заварила всю эту кашу. Настя атаковала: вертела Вику перед парнем, вытягивая губами соски, ласкала их языком на виду у Макса.

«Вот она какая, смотри!» – говорил её игривый взгляд.

Земелин упал на кровать, и Настя пальцами продолжила изучать строение внутренних губок влагалища. Григорий лежал, раскинув бёдра, открытый для язычка, который опускался по лобку всё ниже, пока наконец не приник к жемчужине клитора. Текущая киска Земелина

вспыхнула яркими цветами радуги, разлилась по телу волнами удовольствия. Настя делала ему минет, хотя в этом действии чувствовалось противоестественное проникновение языка и пальцев внутрь. Настя трахала его пальцами, языком притирала гребешок треугольной складочки клитора, которая возбуждись расправила капюшончик, торчала бугорком наружу. Земелин плавился под мягкими мазками, поглаживая Настю по голове, он смотрел на Девятовского, пялился ему в глаза. И взгляд его наполнялся женской похотью. Макс сидел, закинув ногу за ногу, скрывая эрекцию под джинсами. Он наверняка хотел присоединиться, но обещание невмешательства сдерживало его. В покорном скулящем взгляде парня Вика читала нежность, согласие с участием зрителя.

Земелин вдруг понял, что не может конкурировать с парнем, не станет полноценным мужчиной, находясь в женском теле. Настя никогда не полюбит его в активной роли, не согласится поменять мужской член на женские притирочки.

«Для неё это игра», – печалился он, глядя, как Настя крутит попой перед Максом. Как тот буравит взглядом разбухший персик между ног блондинки.

Притянув к себе Настю, Земелин сказал ей на ушко тихо, едва слышно:

– Я тоже хочу посмотреть, – он поцеловал подругу, погладил её пальчиком по лицу, – как вы это делаете.

Настя кивнула, вспыхнув улыбкой, спустилась поцелуями к лобку, оторвалась от Вики, чтобы переметнуться к Максиму.

– Вика хочет посмотреть, как мы занимаемся любовью, – проворковала она, вытягивая Максима из кресла.

Он поднялся за ней, бросил искромётный озорной взгляд на Земелина. В его раскованных плавных движениях спортсмена чувствовалась звериная грация. Он как гепард выгибал спину, стягивая с себя свитер и майку. Настя поцелуями приникла к сосочкам на твёрдой обтянутой рельефными мышцами груди. Под гладкой блестящей кожей мышцы заиграли в унисон с движениями, которыми Макс сопровождал танец любви. Он дал стянуть с себя джинсы так же медленно и соблазнительно, как до этого Вика разоблачалась перед ним. Настя руководила мужским стриптизом, запускала две ладони под резинку спортивных трусов. Бугрящаяся эрекция с двумя орехами яичек привела Земелина в чувство. До сих пор он не особо отдавал себе отчёт в происходящем, но увидев, с какой ловкостью Настя орудует руками, он всё больше погружался в отождествление себя с Настей. Он был на месте Насти, гладил парня по брюшному прессу, прижимался упругими сферами груди к спине, одновременно массируя пальчиками яички.

– Ты внимательно смотришь? – спросила Настя, встретившись взглядом с Викой.

Та кивнула.

Тогда Настя медленно стянула трусы, отпустила их в свободное падение. Член Максима покачивался толстой твёрдой колбаской. Розовые яички размером с куриные перекатывались в тонкой мошонке. Настя пальчиками стягивала кожу по члену, оголяя массивную головку. Член принимал окончательную форму залитого сталью инструмента. Это был впаянный в пах сук, длиной в три обхвата ладонями. Настя привычными движениями опустила на коленки, согрела член дыханием, как ребёнок хватаящий игрушку. Она опустила рот на раскрывшуюся головку, медленно заводила язычком по стволу. Двумя руками скользила она по гладкому, испещрённому венками члену, растирая удовольствие, которое, судя по умиротворённому выражению на лице Девятовского, не заставило себя ждать. Настя заигрывала с яичками, вывернув шею, она встречалась глазами с Викой, втягивала сначала левое яйцо, затем правое. Горло её, вывернутое вверх, заиграло вверх-вниз. Она сидела на ковре, широко раскинув бёдра, демонстрируя подруге-лесбиянке женские прелести, в которых та себе отказывала.

«Видишь, в этом нет ничего страшного!» – говорил её взгляд. «Сосать член – это так интересно! Хочешь попробовать?»

Земелин смотрел на член, думал о сексе с мужчиной. Находясь в женском теле тяжело оставаться морально сильным. Соблазн кружил голову. Он отодвинулся к изголовью кровати, поджал коленки, сцепив их руками. Положив подбородок на коленки, он завидовал. Настины действия вызвали грустную зависть, он никогда не сможет стать для неё Максом, она никогда не полюбит Вику-лесбиянку, как любит мужчину. Она принадлежала ему, и с этим необходимо было мириться.

Настя поднялась с пола, гибкой кошечкой поползла по кровати, давая Максу понять, что тот может пристроиться сзади, пока она будет соблазнять Вику на новые подвиги. Её нежные поцелуи растопили сердце Земелина, он вновь распахнул ножки, открываясь горячему язычку, которым она заскользила по животу, опускаясь по лобку к влагилицу. Когда язычок Насти нашёл Викин клитор, Макс вогнал член в сочное лоно блондинки. Она взвизгнула, томно вздохнула, зажата между двумя телами.

Теперь Земелин имел возможность изучить страсть на лице Девятковского. Даже в постели он оставался хладнокровен, как будто смотрел в прицел снайперской винтовки. В его движениях, взгляде читалась власть и покорство. Непонятное сочетание двух стихий. Он покорялся чужим правилам, он служил отправной точкой для навязывания воли. Он был скала, на которой Настя растекалась пеной морской. Её попа, прибитая суком, разлеталась в стороны, расщеплялась, пружинила, как мячик. Макс мягкими толчками вколачивал член, вытягивая из Насти вздохи и стоны. Она кайфовала, как никогда в жизни. Секс с лучшей подругой с разрешения любимого мужчины освободил её от ответственности. Она подчинялась чужой воле, в тайне исполняя свою. Откинувшись назад, Вика-Земелин лежала, погружённая в собственные страхи неприятия женской природы. Она думала о члене, о том, как приятно почувствовать его внутри, ощутить мужскую силу на бёдрах, раствориться в руках партнёра.

Неожиданно Настя соскользнула с члена и перевернулась на спину, отдаваясь снизу Макс, приглашая Вику киской сесть ей на лицо.

Земелин приблизился, почти уткнулся в Макса, который скользил ствол в раскатанной горячей дырочке. Настины ноги он придерживал двумя руками, прочные бёдра парня совершали пружинистые мягкие толчки.

Внезапно он наклонился и поцеловал Земелина в губы. Тот и понять ничего не успел, как язык Макса оказался у него во рту. Освободив руку, Макс придерживал Григория за голову, не давая ему отстраниться. Соппротивление, возникшее в первые мгновения, уступило место апатии. Упрямый язык Девятковского настойчиво проникал в рот, подчиняя общему ритму.

Земелин вмиг покрылся гусиной кожей, дрожь возбуждения прокатилась по телу. Макс Девятковский трахал его языком в рот, одновременно трахал Настю членом, и он, Земелин, не мог возразить, не видел причин отказывать, не хотел останавливаться. Григорий подчинялся, соглашался играть по чужим правилам, которые были естественны для его нового странного положения. Рот, который поначалу оставался безучастным, втянул язык Девятковского, присосался, как пиявка. Двумя руками Земелин обхватил Макса за ягодицы, притянул к Насте, чья разбитая киска нежно похлопывала под ними.

Перевернувшись, Земелин сел верхом на Настин живот, опустил к губам подруги – жест, который Макс тут же расценил как приглашение. Твёрдый толстый черенок лопаты упёрся в нежные губы влагилица; залитый Настиной смазкой, член Девятковского упругой головкой продавливал Земелина, готовил к проникновению. Вика в этот момент – внешняя оболочка Земелина – закусил нижнюю губку, выгнула спинку. Ей было не до поцелуев. Штык медленно входил в неё, распирал изнутри твёрдой непоколебимой основой. Он был огромный и длинный изнутри. Казалось, вся она, Викуня, очутилась натянутой до горла на член. Она висела на нём игрушкой, мягким чехлом обхватила его, обсасывая ласковыми пожатиями. Скольжение внутри вызвало бурю эмоций. Земелин улетел в космос, заскулил, спускаясь к сос-

кам Насти. Блондинка под ним выскальзывала, подтягивалась к изголовью, чтобы пальчиками раздвинуть внешние губы влагалища, открыть сочную жемчужину подруге.

– Вот так, милая, – шептала Настя, – поласкай меня. Тебе нравится так?

– Угу, – мычала Вика, сражаясь с накатывающим оргазмом. Глаза её закатывались от удовольствия, она двигалась навстречу мощным пробиваниям, которые стали частью её новой жизни. Она представить себе не могла, что так захочет мужчину, что член мужской будет бить её так нежно и одновременно твёрдо, что она будет глиной в руках художника, который вылепит из неё оргазм. Она двигалась к взрыву, раскаты грома уже прокатывались по телу острыми мурашками.

– Да, Максик, да, вот так! – стонала Настя, шире раздвигая бёдра. – Кончи мне в ротик, – она высунула язычок, забила им, как рыбка хвостиком. Двумя руками обхватив буфера, Настя руководила процессом, оставаясь в положении просящей. Принятие себя в новом теле стало настоящим испытанием для Земелина. Он взорвался и рассыпался на мелкие осколки, покатился звонкими шариками по полу, разлетелся по комнате болезненными стонами. Макс, не желавший останавливаться, затрахал его вдрызг, и он сдался. Безумный всплеск эйфории накрыл пеленой удовольствия, распространился от места соития по всему телу, волнами расходился по телу снова и снова, с каждым проникновением, которые внезапно стали похожими на удары отбойного молотка. Земелин забился, заплясал задницей на члене, выгнулся в дугу и распластался на кровати грудью, разъезжаясь в коленях, провисая на члене, который долбил его без устали. Он висел на члене, оставаясь сочной дыркой, когда Макс, достигнув пика, достал член, переметнулся к Насте, и та рукой помогла ему излить накопленные силы.

Земелин обтекал слюной и вагинальной смазкой, растянувшись на животе, наблюдая со стороны, как ловко Настя ловит струйки спермы, как мягко направляет тугой рычаг в открытый ротик, как наполняет себя белыми сгустками спермы. Её шаловливый взгляд, направленный вверх на искажённое кайфом лицо Макса, переместился на Вику. Настя открыла рот шире, показывая весь собранный урожай. Внезапно она приподнялась и опустила губами на лицо Земелина. Сперма густой вязью хлынула в рот. Григорий не стеснясь принял её, солоноватый вкус, согнанный удовольствием, не вызвал отвращения. После того, что Макс сделал с ним, Земелин уже ни о чём не жалел. Он принимал сперму, отдавал её. Настя языком заигрывала с тягучими сливками, глотала их, смешивала со слюной, возвращала назад.

В этот момент Макс придвинулся к ним и вставил свой ещё торчащий колом член между ротиками. Девушки тут же принялись жадно обсасывать его, облизывать нежными поцелуями. Вика ласкала твёрдую длинную плоть, которая привела её к краху миропонимания. Она щупала яички, в которых хранились новые запасы удовольствия, которые обещали десятки соитий, оргазмов, которые сделали её слабой и желанной.

– Я же говорила, что с парнем классно! – шептала Настя, потягивая маникюром яички, посмеиваясь сквозь зубы. Сперма на её губах мешалась со слюной, Настя вновь облизывала головку члена, ствол, который начинал опускаться. – Сейчас фокус покажу. Смотри!

Она принялась интенсивно сосать член, временами отрываясь, чтобы Вика могла повторить за нею. Сохраняя скорость, Вика работала ртом так же активно, и Макс не заставил себя долго ждать. Член вновь взлетел, залился кровью, раздался в величину пуще прежнего. Массивные яйца провисли на длину пальца, девчонки руками гоняли кожу, помогая друг другу. Макс поглаживал их, слегка откинувшись назад, с удовольствием созерцая, как два ангелочка подготавливают его для работы.

– Можно я первая? – сгорая от стеснения, спросила Вика подругу.

– Конечно! – Настя ущипнула Викину за щёчку. – Сегодня твоя ночь. Первая ночь с мужчиной.

Раздвигая ноги перед Максом, сцепляя щиколотки у него за спиной, Земелин думал о том, как прекрасен секс с мужчиной, как много ему ещё предстоит познать, как странно чувствовать себя девушкой, находясь в женском теле.

Прощай, грусть!

1

Герасимов шёл за девушкой, вспоминая сценку, подсмотренную летом на даче. Три кобелька увивались за сучкой в течке, совали носы в сочащуюся грушу, становились на задние лапы, пытаясь попасть в червоточину. Так и он, видимо, ведомый основным инстинктом, следовал за девушкой, не с целью познакомиться, жениться и завести детишек, а банально чтобы потрахаться.

«Как же у людей всё сложно», – Герасимов грустно улыбнулся. Шансов у него было меньше, чем у распоследнего кобелька, возжелавшего забраться на породистую суку, живущую за забором на охраняемой территории.

Дамочка выглядела неординарно, как молодая драматическая актриса: широкие чувственные губы, высокий лоб, скулы, большие выразительные глаза, смуглая кожа. Никогда раньше он не видел столь умных глаз. Девушка могла бы работать преподавателем в университете или адвокатом. Пронзительный взгляд этих карих глаз выражал лёгкое безразличие, усталость. Длинные шоколадные волосы гладкой ровной рекой разливались вокруг головки, скрывались под меховым воротником. Бежевое приталенное пальто подчёркивало очертания груди и попки, чёрные замшевые ботильоны сливались с такими же чёрными колготами на стройных ножках. Дамочка размахивала рукой, отведённой в сторону, бодренько гарцевала по проспекту, придерживая яркую красную сумочку на плече.

Подойдя к переходу, она облизнулась, и губы её драматические заблестели с новой силой. Красотка с опаской заглянула за фонарный столб, сделала нерешительный шаг вперёд и поскакала через дорогу на красный.

Она спешила. Несомненно, спешила на праздник, где её ждал любимый, с которым она встретит Новый год, в чьих жарких объятиях проведёт новогоднюю ночь. Герасимов шёл за девушкой, не надеясь на знакомство, просто наслаждаясь присутствием неземной красоты. Так люди следуют за пророком, так дети бегут за передвижным ларьком с мороженым. Красота – страшная сила, неподвластная пониманию причин.

«Вдруг она упадёт, или пьяный гопник попытается затащить её в подъезд. Кто тогда придёт ей на помощь?» – оправдывался он перед собой.

В его действиях, как часто с ним случалось, отсутствовало рациональное зерно, он полностью погрузился в мир эмоций, в котором художник ищет вдохновения у красоты, безропотно подчиняясь божественной силе.

Они подошли к остановке трамвая, Герасимов сделал вид, что изучает расписание. Девушка стояла к нему спиной, а он так хотел заглянуть ей в глаза на прощание. Они встретились взглядами лишь однажды, где-то на пересечении улиц Кареглазая и Странник. Она бежала навстречу, на короткое мгновение озарила его лёгкой улыбкой, очаровала, разбила ему сердце. Конечно, она даже не заметила его, её взгляд скользнул по серому монохромному холсту толпы, из которого выделился он, расцвёл радужным сиянием нахлынувшей верности. Теперь ему так хотелось верить, что она помнит его, узнает на прощание.

Красный трамвай, накативший с горки, приблизился и застыл. Герасимов обернулся, встречаясь с неизбежностью.

«Прощай, – шептал он обветренными сухими губами, провожая девушку взглядом. – Прощай, оружие».

– И здравствуй, грусть, – тихо произнёс он вслух.

Она запрыгала, как козочка, по ступенькам, прошла по вагону, решая, куда стать, наконец повернулась лицом к остановке и только тут обласкала его вниманием, исполненным очей.

Раздался щелчок, треск, сверху посыпались искры. Герасимов, ослеплённый яркой вспышкой над головой, зажмурился. В следующий момент мощный удар откинул его на мостовую, и он потерял сознание.

2

– Вызовите кто-нибудь скорую! – орала пожилая полная женщина на весь трамвай. – Лежите, девушка, лежите, – присев, она подложила сумку под голову пострадавшей.

Та попыталась встать, тогда мужчина, находившийся рядом, бережно поднял её, взяв под спину и ноги, и посадил на сиденье.

– У вас что-нибудь болит? – спросила женщина, временно взявшая на себя командование в трамвае. – Не трогайте поручни, отойдите подальше, – опять заорала она на весь вагон.

Девушка сидела с неподвижным взглядом, непреходящее состояние шока сковало её движения и мимику. Прислонившись головкой к стеклу, наблюдала она за мельтешащей вознёй в вагоне и на улице. Народ выпрыгивал через заднюю дверь, разбегаясь кто куда. На остановке прямо под козырьком неподвижно лежал молодой человек, бледный, как смерть, с кровоподтёком у виска.

Его лицо, до боли знакомое, вызвало в ней неприятный интерес, как будто отчуждение застало память врасплох, раздробило на мелкие кусочки. Обрывки воспоминаний витали в воздухе, наполняя сознание расплывчатыми образами.

«Пьяный гопник», – она нахмурилась, силясь вспомнить.

– Прощай, грусть, – прошептали губы.

Трамвай тронулся и поехал, оставляя искрящийся провод и бледное бездыханное тело. Глаза заскользили по кишасей людьми улице, как призрак, полетели над землёй, цепляясь за кусты и деревья. Огромная новогодняя ёлка, украшенная тысячами огоньков и гирлянд, царственно проплыла на повороте.

Трамвай обогнул площадь и устремился в тихий район города, оставляя праздничное веселье позади.

Девушка рассматривала кристаллы дыхания на холодном стекле. Затхлый запах печки пропитал воздух, гул железных колёс слился со звоном в ушах и жужжанием надоедливой тётки.

Та что-то спрашивала постоянно, любезно заглядывая в глаза, приглаживая ладонью по спине.

Неожиданно взгляд девушки оживился. Она прищурилась, моргнула. Ещё раз. Дёрнулась и невнятно пробормотала:

– Так это же я, – её глаза широко открылись. Схватившись за ручки сидений, она приподнялась: – Я там лежал, на остановке. Что со мной случилось? – её взгляд застыл на женщине.

– Всё будет хорошо, – успокаивала та, поглаживая плечо девушки. – Сейчас приедем к девятой больнице, и я с тобой вместе схожу.

Девушка попыталась встать, но тут же повалилась.

– Что у меня с голосом? – её голос действительно задрожал, она полезла в сумочку. Шморгая носом, капалась в неё, в растерянности осматривая каждый предмет. – Где я, вы мне можете сказать? – срываясь на плач, промямлила она. Её руки трясло. – Что там случилось, на остановке?

Девушка закрыла глаза, зажмурилась, пальцами зажала уши. Её губы зашевелились в немом ритме, руки напряжённо задрожали в локтях.

Женщина подсела рядом, приобняла девушку за плечи.

– Всё будет хорошо, – повторяла она с материнской заботой в голосе. – Сейчас приедем, посмотрят тебя.

В этот момент трамвай подкатил к очередной остановке, на которой одиноко дежурил коренастый бородатый мужчина в очках. Увидев в окне зажмурившуюся девушку, закрывшую пальцами уши, он помрачнел, заскочил в трамвай и рухнул на сиденье перед ними.

– Лиза, что случилось? – выдохнул он. – Что случилось? – строго повторил он вопрос, обращаясь к женщине.

– Током ударило. Хорошо, что не убило. Вы её знаете?

Мужчина взял девушку за руки, тревожно вглядываясь ей в лицо.

– Это моя жена, – тихо произнёс он.

3

Герасимов шёл за женщиной, вспоминая, как легко Лиза перелетала через дворовые проезды. Его напряжённые икры заплетались, сумочку он снял и, намотав ремешок на кулак, нёс в руке.

В больнице сказали, что если ничего не болит, то можно идти домой. Они спустились в вестибюль, остановились возле приёмной, чтобы застегнуться. Бородатый муж Лизы приобнял Герасимова, прижался шершавой щекой, быстро спустился к губам и поцеловал врасхват так, что у Герасимова душа в пятки ушла. Он стоял, вялый, как овощ, с приоткрытым ртом, ловя воздух, переживая свой первый поцелуй с женщиной.

Это был чернявый здоровяк в интеллигентных очках, поросший мягкой бородой. Герасимов даже не знал, как его зовут, но уже знал, как нежно и страстно тот целуется.

«Как будто устрицу высосал», – переваривал случившееся Герасимов. Ощущение сильного языка во рту долго не покидало его.

Они шли дворами, углубляясь в район. Герасимов мог бы убежать или рассказать мужу невероятную историю, но любая подобная выходка только усугубила бы его положение. Он понимал, что не может вернуться домой и заявить, что вселился в девушку. Убежать тоже не имело смысла. У Лизы своя жизнь, которая найдёт её и вернёт домой. Поэтому он и шёл за мужем, не строя планов на побег. Ему почему-то казалось, что всё должно закончиться случайным образом, как сон или выздоровление. Он вернётся к своему прошлому «я» или вновь потеряет сознание и уже никогда не проснётся. Кроме того, он чувствовал, что несёт ответственность за жизнь Лизы, за её тело и отношения с мужем.

«Кто бы ни была эта бедная девушка, очень жаль, что так случилось, – думал Герасимов. – Лиза, если ты меня слышишь, прости меня, пожалуйста. Ты же знаешь, я не виноват».

Хотя в одном он точно был виноват: в том, что последовал за ней, влюбился, ждал, пока она повернётся к нему лицом в трамвае, чтобы заглянуть ей в глаза на прощание.

«Видимо, в этот момент и произошёл переход», – Герасимов виновато опустил глаза.

Они подошли к подъезду обычной девятиэтажки, поднялись на лифте на последний этаж, и пока муж Лизы открывал дверь, Герасимов терялся в догадках, что ему предстоит.

К большому облегчению квартира оказалась пустой. Она встретила их радостным мерцанием цветных огоньков, развешенных по стенам коридора, нежным блеском голубых обоев.

– Вот мы и дома, – муж Лизы заботливо принял пальто у Герасимова. Он был немногословен, довольствовался простыми ответами, пока они шли, видимо, расценив молчание Лизы как результат стресса.

Герасимов заметил зеркало в прихожей и подошёл к нему. Впервые он смотрел на Лизу так близко. Те же драматические глаза и рот, пугающие утончённой красотой. Волосы, льющиеся шоколадной рекой. Он расправил подол свободного жёлтого платья, изучая холмики грудей, стянутые бюстгалтером. Тонкий кожаный ремешок высоко подпоясывал талию, складки платья растекались по бёдрам и попе.

– Ты не сильно проголодалась? – муж успел заскочить на кухню и вернулся, держа повёрстку в руке.

Герасимов улыбнулся.

– Сильно, – лёгкие запахи, доносящиеся с кухни, дразнили его.

Бородач удивлённо повёл бровями.

– Тогда мой руки, и садимся за стол.

Герасимов послушно пошёл в ванную, где от обилия шампуней, гелей и кремов у него разбежались глаза.

«А Лиза ещё та штучка!» – пришёл он к выводу, читая незнакомые надписи на бутылочках. Он открыл кран, выдавил перламутровый сгусток мыла на ладонь. Опустив руки под тёплую воду, он смотрел на себя в зеркало, теряя связь с реальностью, отказываясь верить, что он – это он, а не она. А она, казалось, смотрит на него укоризненно непроницаемым, умным взглядом.

– Теперь ты – это я, – прошептали её губы.

Дверь приоткрылась, и в ванную проскользнул бородач. Герасимов и понять-то ничего не успел, как тот пристроился сзади и, возбуждённо посапывая, схватил его за талию. Руки скользнули под платье, загрубевшие ладони нашли чувствительные участки кожи на поясе, провели влажными подушечками по животу и рёбрам. Вздрыбленный пах мужчины уткнулся в попу. От неожиданности у Герасимова пропал дар речи, он вывернулся из объятий и сразу нашёл горячий язык мужчины. Тот, повинаясь инстинкту, жадно накрыл губы, вылизывая Герасимова так, что у того потемнело в глазах. Сильные мужские руки скользили по телу под платьем, мяти попу, выискивали упор в широких бёдрах. У Герасимова не оставалось шансов: одним движением с него сорвали трусики вместе с колготками, цепкие пальцы залетели между ног, проникли в щель, раздвинули складки влагища.

В следующее мгновение Герасимова, ошеломлённого стремительным развитием событий, развернули лицом к зеркалу. Бородач скинул джинсы с трусами, оголив массивный выгнутый, как рычаг, член, торчащий из чёрных зарослей. Толстый черенок лопаты упёрся вывернутой головкой в щель между ног и медленно начал пробивать путь внутрь.

Герасимов испуганно сжал попу, напрягая мышцы ягодиц, не давая войти.

– Ну, ну, – захрипел мужчина сзади, пошлёпывая его по ягодицам, как врач, желающий сделать укол. Его нежные похлопывания возымели силу: ягодицы невольно расслабились, странное томление разлилось вниз живота.

Герасимов почувствовал неизбежность проникновения и сдался, уступив здоровяку, который одним махом забрал его до конца. Проникновение оказалось настолько глубоким, что у Герасимова невольно вырвался испуганный девичий стон. Казалось, его насадили на полено, которое прибило его к краю раковины.

Бородач взялся за бёдра и натянул Герасимова до конца. Его руки нащупали застёжку бюстника, растянули её. Освобождённые, груди заколыхались под платьем в такт с лёгкими ударами сзади.

Герасимов прикрыл веки, чтобы не видеть себя в зеркале, не видеть Лизу, которая, похоже, была вне себя от слияния с мужской плотью.

– Всё в порядке? – тревожно спросил бородач, замедлившись, продолжая пощипывать залитые возбуждением зудящие соски.

Герасимов приоткрыл глаза, попытался улыбнуться и глубоко выдохнул томным голосом:

– Да, всё очень хорошо.

Ему действительно стало тепло и невероятно хорошо. Удовольствие, разливающееся в месте проникновения, волнами расходилось по всему телу, достигало кончиков пальцев и ушей, скапливалось положительно заряженными частицами в голове. Он весь превратился в нежное хлюпающее влагище, которое любовно обсасывало член, не давая ему выскользнуть. Герасимов задвигался навстречу, выгибая спину, чтобы подчеркнуть момент входа. Ротик невольно закусил нижнюю губку. Бородач ускорился, и Герасимов, сам того не ожидая, сорвался сладкими стонами в момент истины. Попа, как пружинистый мякиш, продолжала отбивать хлёсткие удары, которые влетали теперь с невероятной скоростью. Бородач схватил Герасимова за плечи, пальцами вцепился в шею и, надавив сверху, палкой застыл глубоко под сердцем. Снова и снова появляясь и исчезая железной основой, диктующей новые правила любви.

Герасимов гладил руки мужа, не желая отпускать его, придерживая бёдра, чтобы член оставался внутри. В таком положении он чувствовал невероятный восторг, переполнявший душу.

– У тебя точно всё в порядке? – муж странно ухмылялся, поглядывая из-за плеча.

– А что? – насторожился Герасимов.

– Ты сегодня какая-то необычная, – бородач вышел из него. – Это электрошок на тебя так подействовал?

Герасимов тревожно облизнул губы.

– Я не хотела говорить, – он откашлялся, подтягивая трусики с колготками. Член бородача вяло болтался перед ним, оставаясь длинным и толстым. – Я, кажется, кое-что забыла после удара током, – Герасимов стеснительно поднял глаза на мужа.

– Забыла, значит? – тот смотрел на неё скептически, странно улыбаясь. – Ладно, давай поужинаем сперва. Может, вспомнишь.

Бородач подтянул джинсы с трусами и вышел из ванной.

Герасимов, потрёпанный, с гудящим зноем неги под животом, стоял неподвижно, прислушиваясь к отголоскам мощных ударов. Казалось, член всё ещё бьётся в самое сердце, замирает, выгибаясь в дугу, взрывается ритмичными вздрагиваниями. Внезапно жидкость внутри него устремилась наружу. Герасимов только успел сжать коленки и подставить пальчики, сложенные лодочкой.

Густая тягучая сперма, замешанная на взбитой смазке, вяло вытекала из него большими перламутровыми каплями.

4

Муж Лизы постарался на славу: на столе дымилась мясная поджарка. В качестве гарнира он приготовил картофельное пюре и салат-оливье.

– Сейчас быстренько перекусим и поедем, – бородач добродушно улыбался. После секса он стал похож на плюшевого мишку – такой же косолапый, бородатый, как бармалей.

Герасимов с аппетитом жевал мясо. Еда опьянила его, два бокала шампанского быстро ударили в голову, и он поплыл. Муж уже не казался ему грозным, наоборот, он думал об удовольствии, полученном в ванной. Ему захотелось повторить опыт, попробовать спереди, сверху, добавить поцелуи.

– Может, останемся дома? – заплетающимся языком произнёс он, томно хлопая ресницами.

Муж подозрительно смотрел на него с хитрым прищуром.

– Совсем ничего не помнишь? – спросил он, ухмыляясь.

– Помню, – Герасимов стрелял глазками, по-женски лаская мужа пьяным игривым взглядом. – Только не всё.

– Ну хорошо, – пробормотал бородач. – Идём.

Он взял Герасимова за руку и повёл в спальню.

«Что он задумал?» – Герасимов представил, что сейчас вновь будет трахаться, и возбуждённо поправил платье под поясочком. Он сел на диван, по-мужски широко раздвинув ноги. Откинул волосы на спину. Алкоголь дурманил ему голову, он хотел сосать член, хотел, чтобы бородач взял его, как тогда, в ванной.

«Неужели это я?» – Герасимов, никогда не испытывавший влечения к мужчинам, в который раз изумился женской похоти, возбуждению, охватившему его. Он хотел, чтобы его трахнули, хотел, чтобы бородач вновь насадил его на член.

– Раздевайся, – бросил муж, доставая какой-то чёрный пакет из шкафа.

Герасимов жеманно улыбнулся, стянул платье через голову. Вопросительно посмотрел на мужа.

– Полностью, – подтвердил тот.

Герасимов стянул трусики, на которых засохшие следы спермы напомнили о недавнем лишении девственности. Половые губы были набело выбриты, только ёлочка разложенных коротких волос украшала лобок. Грудки заколыхались, когда Герасимов расстегнул бюстик. Вытянутые возбуждённые соски топорщились вверх на мягких подрагивающих сферах.

Муж не спешил распаковывать содержимое мешка.

– Что это? – спросил Герасимов, игриво покачивая волосами за спиной.

– Новогодний костюмчик. Как раз на твой размер, – бородач по одному вытягивал предметы, раскладывая их перед шокированной Лизой.

Та зависла в прострации. Хлопая широко открытыми глазами, с отвисшей челюстью на внезапно побледневшем личике рассматривала она новогодний гардероб для выхода в свет.

5

Герасимов ехал на заднем сидении авто в прозрачном резиновом мешке, плотно облегающем голое тело. Тонкий слой латекса обтягивал кожу, полностью укутывал с ног до головы. Лишь круглые карие глаза Лизы и испуганно приоткрытый драматический рот светились страхом через прорези костюма. Из одежды муж разрешил надеть ботильоны, пальто, шарфик и шапочку.

Они выехали за город и почти сразу свернули в коттеджный посёлок. Здесь повсюду лежал девственно чистый снег. Пушистые сугробы неровными горками струились вдоль дороги. Разлапистые ёлки, заваленные ватными облачками, величественно встречали гостей. Смеркалось.

Череда дорогих машин въезжала на территорию средневекового замка, ограждённого от любопытных глаз высоким бетонным забором. Бородач припарковал машину возле смотровой башенки, проверил время на часах.

– Ну что, начинаешь вспоминать? – шутливым тоном спросил он.

Из соседних машин выходили такие же пары, как они: женщины без верхней одежды, голые под латексом, обезличенные. Женские фигуры, тонко стянутые корсетами, держались своего хозяина. Тот вёл рабыню, пристёгнутую за поводок к ошейнику. Некоторые девушки были в наручниках и кандалах. Один хозяин постоянно шлёпал свою рабыню плетью, грубо тянул за ошейник, брызгая слюной в лицо.

Ошалевший, Герасимов во все глаза смотрел на происходящее. Он бы и хотел убежать, но браслеты на щиколотках, соединённые цепью, и высокое ограждение по периметру делали миссию невыполнимой.

Он шёл по предложенному пути, доверяясь чужим предпочтениям.

«Это всего лишь игра!» – успокаивал он нервную дрожь в коленках.

Бородач нацепил на него ошейник с колокольчиком и вёл за собой, как корову, гордо вышагивая впереди.

Герасимов семенил за Хозяином.

6

Герасимова положили в ящик, и это был не худший вариант. Из деревянного каркаса торчали его попа и ноги с одной стороны и голова с другой. Мужчины подходили, выбирали свободную дырку и трахали. Они были в презервативах, влетали по самые яйца. Не жалели ни себя, ни девушку в ящике. Закрыть рот Герасимов не мог из-за кляп-кольца, которое неподвижно фиксировало челюсти. Шевелить головой тоже не было возможности. Он мог лишь довольствоваться видом другой девушкой, которую закрепили в позорном столбе напротив. Та была оголена сзади, её не только трахали, но ещё и били плетью. Красная исполосованная задница дёргалась перед глазами. Девушка ревела от боли – кляп-кольцо часто затыкали членом, и тогда стоны становились глухими. Мужчины не церемонились с аттракционами: трахали дерзко и грубо.

Поначалу Герасимов чувствовал обиду на мужа, бородач оставил его на растерзание толпы, надёжно закрепив ремнями в ящике. Потом ему стало всё безразлично. Он не видел лиц, мужчины менялись, быстро переходили. За час его отымело не меньше двадцати человек. Там были не только мужчины: девушки в латексе с искусственными членами тоже пристраивались над ним спереди или сзади. И пока какая-нибудь красотка трахала Герасимова в рот, мужчина сношал красотку сзади. В этой кутерьме у каждого торчал член между ног: настоящий, в ярком презервативе, или искусственный. Неважно. Девушек выстраивали в паровозик, клали одна на одну. Но завершал бутерброд всегда мужчина. Мужчины были голые. Кроме масок, ярко-красных или чёрных презервативов и ботинок на них ничего не было. Именно от мужчин исходила сила, трах-мощь, выраженная в яростных проникновениях. Именно они придумывали новые комбинации для рабынь. Стоны, удары хлыста и женские крики сопровождали Новогоднюю вакханалию.

В определённый момент действие прекратилось. Внесли шампанское, Герасимова освободили. Подуставший, бородач приблизился, пошлёпал жену по попе, довольно улыбаясь. Затраханый в рот и влагалище, Герасимов едва держался на ногах. Две дырки, затёртые до горячего жжения, гудели от прилившей крови. Комок в горле болезненно отзывался на сокращения мышц.

На возвышение возле стены вошла пара. Девушка-блондинка в ярко-красном переливающимся бликами костюме, с чёрным стрэпоном между ног, подняла бокал, призывая к тишине. Её Хозяин или скорее Раб добродушно улыбался, скрывая глаза под маской. Член его под гладко выбритым лобком был закован в стальную решётку. Навесной замочек болтался снизу.

– Спасибо, что пришли, – восторженно произнесла девушка. – В Новом году нас ждёт много незабываемых интересных встреч. Давайте заглянем под бокалы. На одном из них есть метка. Посмотрите внимательно.

Герасимов заглянул под бокал и похолодел. Снизу, под самым основанием была приклеена круглая голубая наклейка.

– Она здесь, – радостно закричал бородач, заметив метку вместе с Герасимовым.

– Проходите сюда, – отозвалась девушка.

Едва переступая затёкшими ногами, с непокидающим его чувством дырки между ног, разбитым незакрывающимся ртом, Герасимов плёлся по коридору расступившихся извращенцев.

– До Нового года осталась одна минута! – возвестила девушка. – Встаньте на колени, – обратилась она к Герасимову.

Тот буквально рухнул под одобрителные возгласы.

Послышался бой курантов. Раз, два, три...

Девушка приблизилась, болтая чёрной конской залупой перед лицом Герасимова.

Четыре, пять, шесть...

Блондинка жеманно улыбалась, водя членом по губам Герасимова.

Семь, восемь, девять...

Игристое шампанское струйками пузырьков завораживало взгляд.

Десять, одиннадцать, двенадцать.

– За Королеву! – закричала блондинка.

– За Королеву, – грянул зал за спиной Герасимова.

Блондинка вогнала член в кляп-кольцо и опрокинула бокал с шампанским в горлышко. Герасимов давился конской залупой, пока все остальные пили.

Послышались громкие аплодисменты. Герасимов уже так привык ничему не удивляться, что сидел на коленках и просто ждал, когда шоу закончится.

Про себя он давно решил бросить извращённую жизнь Лизы и смотаться куда-нибудь подальше. В жаркую страну, например. Да куда угодно. Он купит билет в один конец и исчезнет. Начнёт всё сначала. Работа, любовь, друзья – он всё начнёт с нуля.

Королеву, пока она так думала, закрепили в аттракционе, похожем на умывальник. Из раковины торчала только её прелестная головка. Он снова не мог пошевелить головой, и в этот раз ему было чего бояться.

Череда мужчин выстроилась по комнате. Они все мастурбировали, сняв презервативы. По одному подходили они и кончали Герасимову в рот. Члены влетали в кляп-кольцо, взрывались семенем заливали горло. Герасимов сидел в умывальнике или вернее сказать лежал. Выплюнуть у него не было возможности. Поэтому, чтобы не задохнуться, он глотал. Снова и снова. Они кончали, зависали над ним, вколачивали по самые яйца свои члены. Сколько же их было? Они все хотели осеменить Королеву, готовились весь вечер. Теперь Герасимов понимал, почему они не кончали. Отстрелялся и муж Лизы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.